

• Одесса 1938 г. •

ИРИНА ЛОБУСОВА

**ОСТЕРЕГАЙСЯ
УДАРА!**

Зинаида Крестовская снова распутывает загадочное дело. У ее институтской подруги Маши Игнатенко пропал жених. Он вышел на корабле в море и... исчез. Во всех инстанциях, куда Маша обращается за помощью, ее убеждают, что такого судна никогда не было. Зина пытается помочь подруге, но выясняет, что в этом деле замешан НКВД. В силу обстоятельств давшая согласие на сотрудничество с этой страшной организацией, Крестовская начинает свою игру против нее, рискуя не только своей жизнью, но и жизнью близких ей людей.

• МЫ С ЧЕРНЫХ СОВ •

Зинаида Крестовская

Ирина Лобусова
Мыс Черных сов

«ОМІКО»

2019

УДК 821.161.1(477)

Лобусова И. И.

Мыс Черных сов / И. И. Лобусова — «ОМІКО»,
2019 — (Зинаида Крестовская)

Зинаида Крестовская снова распутывает загадочное дело. У ее институтской подруги Маши Игнатенко пропал жених. Он вышел на корабле в море и... исчез. Во всех инстанциях, куда Маша обращается за помощью, ее убеждают, что такого судна никогда не было. Зина пытается помочь подруге, но выясняет, что в этом деле замешан НКВД. В силу обстоятельств давшая согласие на сотрудничество с этой страшной организацией, Крестовская начинает свою игру против нее, рискуя не только своей жизнью, но и жизнью близких ей людей.

УДК 821.161.1(477)

© Лобусова И. И., 2019

© ОМІКО, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ирина Лобусова

Мыс Черных сов

Зінаїда Крестовська знову розплутує загадкову справу. В її інститутської подруги Маші Ігнатенко пропав наречений. Він вийшов на кораблі в море і... зник. У всіх інстанціях, куди Маша звертається за допомогою, її переконують, що такого судна ніколи не було. Зіна намагається допомогти подрузі, але з'ясовує, що в цій справі замішаний НКВС. В силу обставин давши згоду на співпрацю з цією страшною організацією, Крестовська починає свою гру проти неї, ризикуючи не тільки своїм життям, але й життям близьких їй людей.

© И. И. Лобусова, 2019

© Е. А. Гугалова-Мешкова, художественное оформление, 2019

© Издательство «Фолио», марка серии, 2018

Глава 1

Ночь с 25 на 26 января 1938 года, акватория Черного моря

Темнота казалась сплошной. В этой темноте черные воды моря сливались с горизонтом, являя единое целое полотно. Только там, где на верхушках гребней внезапно появлявшихся небольших волн выступали редкие островки пены, нарушая общую целостность этого полотна, казалось, пустыня вдруг превращается в холмистую местность и вместо волн вырастают небольшие горные ущелья и холмы.

В это время года вода была все же немного теплей воздуха. Согретые подводными течениями волны ночью отдавали скудное тепло, полученное днем, при дневном свете. А потому над водой поднимался пар. Стоило лишь нагнуться, взглянуть в черноту за бортом, как сразу же возникало странное ощущение: словно на черную, беспокойную по-зимнему воду кто-то набросил прозрачную вуаль. И эта тонкая ткань будто танцует в ледяном воздухе, медленно колыхается, окутав безграничные морские валы защитным покровом.

Воздух при этом был ледяным, и стоило выйти на открытую палубу корабля, как холод мгновенно впивался в кожу тысячей заостренных кинжалов, вгрызался в нее, словно лютый зверь, пытаясь заморозить всю кровь, добраться до кости. Бесприютное, страшное зрелище – море ночью, особенно ледяное море морозной ночью, в январе.

А потому лишних людей на палубе не было. Все были заняты – и те, кто нес вахту, и кто следил за котлами в машинном отделении, поддерживая необходимую температуру, чтобы судно уверенно двигалось вперед.

Понятно, что так обстоит дело на всех кораблях, но этот к тому же был военным, а потому палуба просто блестела, а все медные и металлические детали были отполированы так, что сверкали даже в темноте. Легкая изморозь, сырой ледяной туман, покрывая все вокруг словно мелким, растолченным жемчугом, лишь придавали выразительности этому блеску, этому мерцанию холодного белого света. Впрочем, это была лишь красота – корабль был абсолютно темным, плывя в такой же абсолютной темноте.

На судне поддерживалась строгая дисциплина. Как уже говорилось, каждый был занят своим делом. И лишь вахтенным, а также помощнику капитана, следившему за курсом, оставалось наблюдать за суровым, пугающим зимним морем, к которому они привыкли давным-давно.

В этом пейзаже, наполненном удивительной скрытой силой и мощью, для них не было ни красоты, ни очарования – ничего, кроме безграничной суровости свирепой природной стихии, до поры до времени молчащей, притихшей, но готовой в любой момент показать себя и уничтожить все вокруг – включая этот маленький корабль.

Ночь была облачной, но видимость при этом оставалась хорошей. Ветер был северо-восточного направления, а волнение моря – небольшим. Корабль, хоть и шел по-боевому, темный, практически невидимый, но, честно признать, это был старый, переоборудованный эсминец, заметно нуждавшийся в ремонте. В общем, потому он и следовал в один из черноморских портов.

Несмотря на то что военный корабль пересекал нейтральные воды, у капитана был четкий приказ: идти с затемненными огнями, в боевом режиме, быть готовым к любым неожиданностям. Слишком уж опасными, таящими ловушку, были нейтральные воды, на которые претендовали сразу три страны – СССР, Румыния и Турция. И которые из-за всевозможных дипломатических уловок и переписанных, недописанных и несформулированных соглашений до сих пор не принадлежали никому.

Около полуночи в машинное отделение был передан приказ: «Приготовиться к перемене курса». Это было странно, так как четко проложенный курс оставался неизменным на протяжении суток. Менять его в полночь... Тем не менее приказ звучал достаточно четко: сделать поворот влево, а затем... лечь на обратный курс.

На судне зажгли ходовые огни. И тут же освещение в районе капитанской рубки вышло из строя. Это был неприятный сюрприз – тем более, когда корабль готовился к перемене курса, а такой маневр всегда был достаточно опасным и сложным.

Для проверки и ликвидации неисправности оперативно были отправлены специалисты. Сонный механик зевнул во весь рот и зло бросил спустившемуся в машинное отделение мичману:

– Что они там, с ума посходили?

– Приказы начальства не обсуждать! – так же зло буркнул мичман и тут же, получив нужные цифры по давлению в котлах, покинул машинное отделение.

Вдруг судно заметно накренилось на левый борт. Волны тут же накрыли палубу, но так же быстро стекли вниз, оставляя мокрые пятна, моментально покрывавшиеся ледяной коркой.

– Кто отдал приказ? – остановил мичман первого помощника капитана, который с озабоченным лицом выходил из радиорубки.

В тот самый момент, когда судно совершило левый поворот для того, чтобы лечь на измененный курс, радисты сообщили, что в самом ближайшем радиусе получен непонятный сигнал. Расшифровке он пока не поддавался.

Первый помощник капитана мгновенно помчался в радиорубку, испытывая нешуточное чувство тревоги. Столкновение судов в ночном море означало неминуемую гибель для обоих. А в такой темноте, да еще в таких погодных условиях, которые усложнились облачностью и волнующимся морем, любой неопытный штурман вполне мог сбиться с курса.

Поэтому главной задачей военного корабля было любой ценой избежать столкновения. И хоть на его борту не было ни боеприпасов, ни взрывчатых веществ – эсминец следовал в док для ремонта, – но все равно мощности турбин было достаточно для сильного взрыва, способного разнести все вокруг.

Однако постепенно возникшая паника стала казаться напрасной. Сигнал то появлялся, то пропадал, определенных координат не было, да и в эфир никто не выходил. Все это было больше похоже или на гроззовые разряды, создающие помехи в радиоэфире, или на небольшую рыбацью лодку, сбившуюся с курса. Столкновение с лодкой мощному эсминцу вообще ничем не грозило, в отличие от рыбаков-неудачников... Ну так не надо было выходить в море, не умея обращаться с правильным курсом!

Радист несколько раз попытался выйти на связь, но на позывные никто не отвечал. Эфир был чист, и, успокоившись, первый помощник сам наблюдал за тем, как сигнал появился – слабее, затем еще слабее и наконец исчез совсем. Тщательно записав координаты, в которых

неопознанный сигнал мелькнул в последний раз, первый помощник поспешил к капитану, чтобы доложить ситуацию.

По дороге его перехватил мичман, обеспокоенный изменением курса.

– Капитан, – пожал плечами первый помощник, одним словом отвечая на его вопросы.

– Но почему мы возвращаемся назад? Что это значит? – Мичман был в полном недоумении. – Если мы будем топтаться на месте, туда-сюда, когда придем в док? К тому моменту, гляди, еще что-нибудь выйдет из строя!

И только сейчас первый помощник задумался о том, что действительно происходит что-то непонятное... Возвращение назад явно не входило в первоначальный курс. Ведь главной задачей было как можно скорее добраться до ремонтного дока! Что же изменилось?

Ну, вполне возможно, у капитана появились новые инструкции. Или были секретные распоряжения, о которых он не считал нужным говорить заранее. Вполне возможно, что в этих водах эсминец выполнял еще какую-то задачу, о которой не знал никто на борту. Плюс этот странный сигнал... Обеспокоенный первый помощник быстро стал спускаться по лестнице, направляясь к капитану.

Скорость корабля между тем снизилась на несколько узлов. Это означало, что котлы работали не на полную мощность. Еще одно странное явление – ведь корабль находился в открытом море, не совершая никаких других маневров, если не считать изменения курса.

Спускаясь по узким переходам, первый помощник даже не подозревал о том, что все эти явления – далеко не самое страшное, что случилось в эту беспокойную и страшную ночь.

Было далеко за полночь, когда из вентиляционных отверстий показались хлопья густого черного дыма. Такого едкого, что, расползаясь, они словно накрывали все вокруг.

Началась паника. Почти сразу было установлено, что дым появился в первом котельном отделении. Теперь было необходимо сражаться с тем самым страшным, что только могло произойти в открытом море, – с пожаром.

Для выполнения маневра по изменению курса потребовались изменения в подаче топлива – вмешательство в топливную систему. При перекачке топлива из одной трубы, проходившей через первое котельное отделение, выступила нефть, которая воспламенилась на вспомогательном трубопроводе свежего пара. После появления дыма вспыхнуло открытое пламя у пульта управления котлом.

Все находящиеся внутри люди немедленно покинули помещение. Двери загерметизировали. Вскоре из горящего котельного отделения раздались два взрыва. Котлы и вспомогательные механизмы, находящиеся там, были остановлены с верхней палубы. Началась борьба с пожаром.

Когда первый помощник капитана грохотал кулаком в дверь капитанской каюты, он еще ничего не знал о беде. Дверь между тем была плотно заперта.

Это было совершенно невероятно! Капитан военного эсминца, только что отдавший приказ о странном изменении курса, вместо того, чтобы находиться на капитанском мостике, быть в центре событий, командовать, спустился в свою каюту и наглухо заперся там! Первый помощник просто не представлял, что происходит.

Он ходил с этим капитаном не один год, они вместе принимали присягу. Это был достойный, порядочный человек, отличный офицер и настоящий моряк. У капитана был спокойный характер. К проблемам он всегда подходил вдумчиво и никогда не конфликтовал ни с кем из членов экипажа. Как настоящий руководитель умел решать их еще до появления. На него всегда было можно положиться. И вот теперь... Что происходит, черт возьми, теперь?!

Первый помощник изо всей силы снова заколотил кулаком в запертую дверь. И вдруг услышал, что в каюте происходит какая-то борьба: звуки падения мебели, звон разбитого стекла, приглушенный крик...

Помощник похолодел. Кто мог напасть на капитана? Машинально схватившись за бедро, он понял, что не взял с собой оружия. Иначе, не задумываясь, принялся бы палить в дверь.

Шум нарастал, борьба усилилась. Грохот, стук, звон... Было такое впечатление, что в каюте кто-то крушит мебель. А в криках отчетливо различался голос капитана.

– Владимир Константинович! Что происходит? Откройте дверь!!! – Первый помощник всем телом налегал на дверь.

Вслед за очередным, почти громовым ударом наступила зловещая тишина. Но ненадолго. Послышались неуверенные шаги. Затем – такой звук, как будто кто-то упал на пол. Первый помощник, не переставая бить в дверь, похолодел – такого ужаса он не испытывал еще никогда в жизни.

Сверху на лестнице появился какой-то человек. Помощник капитана даже не разглядел, кто это был, лишь услышал, что человек громко закричал:

– В первом котельном пожар! Там взрывы!

Взрывы, пожар... Первого помощника словно облили ушатом ледяной воды. Пожар в море чаще всего означал одно – гибель корабля. Разрываясь между отчаянным желанием бежать к месту событий и вместе со всеми сражаться с пожаром и тревогой за капитана, он в отчаянии снова заколотил в дверь:

– Владимир Константинович! На корабле пожар! Откройте!!!

Снова слышались шаги. Дверь распахнулась. Помощник отпрянул к стене. И закричал, теперь совсем иначе. Он все кричал и кричал, не в силах остановиться...

Первое, что он увидел – вся обстановка внутри каюты была разгромлена. Кровать, шкаф, стулья, стол – все было разломано, уничтожено. А за дверью стоял капитан, пошатывающийся, готовый упасть в любой момент, вытянувший вперед окровавленные руки. И на его лице не было глаз. Вместо них были лишь пустые глазницы – багровые кровавые раны, из которых непрерывно текла кровь, по щекам, по груди...

Невероятным усилием воли взяв себя в руки, первый помощник схватил капитана за плечи:

– Кто, кто это сделал? Кто на вас напал?!

– Птицы... – Голос капитана прозвучал глухо, как у человека, уже бывшего вне реальной жизни. – Птицы... они... повсюду... прогони их...

Первый помощник замер. Подхватив на руки капитана, он затащил его в каюту, как мог осторожно положил на пол.

Капитан захрипел, из его рта вытекла тонкая струйка крови. Стараясь не причинить боли, помощник капитана осторожно приподнял на его груди рубашку, уже заскорузлую от крови. И обомлел...

Вся грудь капитана была покрыта рваными ранами. Казалось, кто-то вцепился ему в тело острыми когтями и рвал, терзал живую плоть... Разве мог человек нанести такие жуткие раны?!

– Птицы... – вдруг снова прохрипел капитан, – черные... Они повсюду... бежать...

Из его рта хлынула кровь, тело выгнулось в предсмертной агонии, а потом неподвижно застыло. Все его мучения остались в прошлом. На судне больше не было капитана...

Несмотря на то что первый помощник был идейным коммунистом, заместителем секретаря парторганизации, он машинально осенил себя крестным знаменем. А затем быстро помчался по лестнице вверх, туда, откуда доносились отчаянные крики борющихся с огнем людей.

Основной пожар, слава богу, был потушен в течение часа. После вскрытия котельного отделения были применены ручные пенные огнетушители. Несмотря на то что работа в котельном отделении производилась в дыхательных аппаратах, пар и дым не позволяли там долго находиться. Продолжить работу по ликвидации последствий пожара смогли только через два часа.

В результате были значительно повреждены электрооборудование, трубопровод, изоляция и конструкции из легкого металла. Погибли два человека из пожарной команды. И серьезно ранены были еще четверо. При изучении обстоятельств пожара был установлен ряд недостатков стационарных противопожарных средств: неисправность отдельных насосов, ненадежность закрепления сальников, вентиляей.

Были сделаны выводы – обычные, как всегда в таких случаях: тщательно следить за плотностью топливных трубопроводов, не допускать в них ни малейших повреждений, даже точечного характера. А противопожарные средства должны всегда быть готовы к использованию в аварийных ситуациях.

Трупы перенесли в отсек трюма, а раненых – в медчасть. Скорость судна была снижена до минимума. Первый помощник капитана, принявший командование на себя, принял решение остановить котлы и ждать помощи. Сигнал SOS постоянно звучал из радиорубки по всем возможным координатам. Однако ответа не последовало.

И вдруг через три часа из третьего котельного отделения показался дым – загорелись находившиеся там электрическая аппаратура и кабель. Вспыхнул провод, а потом показалось открытое пламя.

Никто не мог понять, как это произошло, если пожар был уже потушен! Неужели поджог? В горящее моторное отделение можно было проникнуть, только применяя кислородные приборы. Борьба с помощью огнетушителей не дала никакого эффекта. Тогда было решено использовать водяную пожарную магистраль.

Было установлено, что хранившийся в помещении кабель загорелся на горловине дымовой трубы камбуза, проложенной через вентиляционную камеру.

Оказалось, что горловина дымовой трубы при неправильном обслуживании форсунок камбуза могла нагреться докрасна, несмотря на то что она была изолирована двумя металлическими стенками с шамотной изоляцией.

Однако в этот час камбуз не использовался, и перенагрева трубы быть не могло. Это означало, что было нарушение в изоляции, через которое и произошло возгорание.

Огонь быстро уничтожил часть хранившегося кабеля и электрической аппаратуры, а также повредил все установленные кабели. Корабль погрузился в темноту. Хранение кабеля и электроаппаратуры должно было быть в специальных помещениях. Однако на корабле такого помещения не было. Никто при конструкции и оборудовании военного корабля не подумал о том, какой уязвимой частью является кабель...

Пребывая в полном отчаянии от понимания того, сколько нарушений на корабле, первый помощник вдруг очень серьезно задумался. Если в машинное отделение так просто, без цели, не пройдешь, то кто будет тщательно охранять камбуз? Какое ужасающе уязвимое место на военном корабле!

Пожар между тем бушевал вовсю. Было решено использовать водяную пожарную магистраль, качать воду из моря. Однако после того, как начала поступать вода, возгорание только усилилось. Огонь вспыхнул с яростью, словно усиливаясь от водяных струй!

Радистом был получен сигнал о том, что румынский линейный корабль будет на месте аварии эсминца через два часа и готов оказать помощь с эвакуацией экипажа.

И сразу после этого произошел взрыв – взорвался паровой котел в третьем машинном отделении, самый мощный из всех. Корабль содрогнулся всем своим огромным металлическим телом, словно складываясь пополам.

Из образовавшегося жерла в палубе вдруг прямо в небо взлетел ослепительный сноп пламени. Обломки металлической арматуры, части палубы, обивки, детали корпуса рухнули на палубу, сбивая с ног людей, калеча их и убивая.

После этой страшной вспышки огонь распространился по всему кораблю со страшной силой. Огонь, хлынувший сразу со всех сторон, захватил, поглотил весь корабль и находящихся

на нем людей. Пытаясь спастись из этого ада, они прыгали в воду, но и там их настигали огненные языки из разлившегося горючего, которые стлались по воде и никого не щадили.

Корабль стал стремительно тонуть. Через полчаса все было кончено. Эсминец навсегда погрузился на дно. Погибли абсолютно все...

Глава 2

1937 год, Одесса

Сложенные вещи в коробках пятый день лежали возле двери у стенки, и Зина аккуратно передвигалась по комнате, стараясь не смотреть на эту страшную горку. Но поскольку комната не была такой уж большой, у нее это получалось не всегда. Время от времени она ударялась об эти коробки – задевала бедром, царапалась ногой, стучалась коленом, останавливалась взглядом... И вместо страха, бывшего ее обычным состоянием все эти дни, в ее душу вползали раздражение и ярость.

После возвращения из Болграда она лишь на следующее утро пошла на работу. У нее накопилось несколько отгулов, и Зина взяла их все сразу, скопом, вызвав немалое раздражение начальства.

Впрочем, перечить ей никто не решился. Было видно, что с ней что-то происходит. А так как в морге всегда не хватало людей и разбрасываться ценными сотрудниками было бы просто смешно, Зинаиду оставили в покое.

Только подав официальное заявление на получение отгулов и оформив все как полагается, она заглянула в кабинет своего друга, которого уже там давно не было. В этом кабинете были другие люди, и Зине было больно в него входить. Поэтому она и не входила.

На мгновение ей показалось, что вот сейчас, буквально через несколько минут, скрипнет дверь, и на пороге возникнет Борис Рафаилович Кац, чтобы сразу же с обезоруживающей улыбкой сбить с толку какой-нибудь, пусть даже циничной, шуткой... Нет, Зина понимала, что этого уже никогда не будет.

На пороге никого не было. В полуоткрытую дверь никто не зашел. И она поняла, что теперь всегда сможет говорить только самой себе – ее покойного друга Каца больше не было на этой земле...

В стене, за книжным шкафом с канцелярскими папками, у Бориса Рафаиловича был небольшой тайник, и Зина была единственным человеком в морге, который знал о его существовании. Однажды Кац сам продемонстрировал его, не преминув отпустить очередную циничную шутку. В этом тайнике он держал... запасы коньяка. А поскольку он питал пристрастие к этому напитку, то запасов скопилось немало. Теперь это был тайник Зины. И она без зазрения совести вытащила оттуда две бутылки, отметив, что осталось их еще достаточно – а значит, на ближайшее время ей хватит. Она все время боялась, а страх был тем самым катализатором, который изменял не только события, но и души людей. Все становилось иным. Неизменным оставалось только одно – это самое чувство страха.

Ночь после приезда из Болграда Виктор Барг провел у нее. Они совсем не говорили о происшедшем. Утром, пока Зина собиралась на работу, он ушел. Обернулся в дверях:

– Что ты будешь делать теперь?

– Теперь? – Вопрос застал ее врасплох. – Наверное, мне нужно собрать вещи.

– Это правильно, – кивнул Барг, – я тоже соберу. Нам лучше не видаться первое время.

– Думаешь, за нами придут?

– Даже не сомневаюсь! – горько усмехнулся он.

– Тогда я возьму на работе отгулы, соберу вещи и буду *их* ждать... Так сказать, во всеоружии, – Зина вовсе не хотела пошутить, и шутка не удалась – горькая улыбка сразу превратилась в ухмылку, даже как-то болезненно искривив ее губы.

– Мне тяжело будет без тебя, – Виктор отошел от двери и так порывисто обнял, с такой силой притянул к себе, что у Зины перехватило дыхание.

– И мне... очень... тяжело, – она хотела высвободиться, но не смогла.

– А знаешь что? – Виктор вдруг засмеялся и поцеловал ее в нос. – Да пошли они все! Пусть другим диктуют свои правила! Вечером я приду к тебе, и пусть все катится к чертям собачьим!

– Ты уж смотри, как получится. Может, и не стоит... – пожала плечами Зина.

– Вечером я у тебя! И ничего страшного! – решительно махнув рукой на прощанье, Виктор ушел, громко хлопнув дверью. Она проводила его глазами, не сомневаясь ни секунды, что не увидит его ни этим вечером, ни следующим...

А вечером Зина тихонько сидела у себя в комнате и пила коньяк. Вещи ее были упакованы – оказалось, собрать все необходимое дело совсем не долгое. Поэтому она и пила коньяк Бориса Рафаиловича и – ждала ареста. Обжигающая янтарная жидкость царапала нёбо и горло, раскаленным комком скатывалась в низ живота, устраивая в желудке пожар. Зину бросало то в жар, то в холод, но это ощущение не было таким уж неприятным. И главное – чего и добивалась – чувство страха немного притупилось. Зина больше не смотрела на мир с такой болью.

В общем, Виктор не пришел. Однако и арестовывать ее не арестовали. От выпитого коньяка у Зины начала сильно кружиться голова. Она рухнула на кровать и провалилась в глухую черную бездну.

В последующие два дня ее опять же не арестовали... и Зина даже рассердилась – ну чего они так тянут? Она выпила весь коньяк, поразившись самой себе: за эти страшные дни взаперти от страха она выпила больше, чем на протяжении всей своей жизни...

На четвертый день Зина задумалась о том, что делать с остальными вещами. Может, ее и выпустят. Ведь один раз чудо уже произошло. Кто сказал, что чудеса не могут происходить дважды?

У нее были редкие книги и два фарфоровых сервиза, которые очень любили ее родители. Мама предпочитала пить чай из тонких фарфоровых чашек и говорила, что от этого у напитка совсем другой вкус. Это были очень ценные чашки. Зине очень хотелось их сохранить, сделать так, чтобы не пропали ни книги, ни сервизы. И, немного помучившись сомнениями, она приняла единственно верное решение. Зина решила пойти к соседке тете Вале, которая знала ее с самого детства, и попросить сохранить оставшиеся вещи. А если она больше не вернется, пусть та смело забирает их себе.

– Ну наконец-то! – тетя Валя развела руками. – И полгода не прошло! Наше вам здравье с кисточкой! На четвертый только день она из комнаты вышла! Больная ты, чи шо?

– Больная, – вздохнув, подтвердила Зина, представляя, как выглядит со стороны – нечесанные волосы, синяя кожа, под глазами – круги.

– Шо стряслось? – Тетя Валя подперла кулаками свои необъятные бока. – Мужик?

– Что? – не поняла Зина.

– Из-за мужика, говорю, не выходишь? – повторила она громко. – Хоронишься ведь четвертый день! Мужик?

Почему-то представив портрет вождя на стене в кабинете следователя НКВД – грозный такой портрет вождя, во весь рост, в кабинете для допросов, Зина горько усмехнулась и кивнула:

– Мужик.

Что-то прозвучало при этом в ее голосе – такое, что тетя Валя насторожилась, как охотничий пес, почуявший дичь, и сделала почти боевую стойку:

– Так... – протянула, – кажись, тут за через всю голову геморрой... А ну-ка пойдем! – и бодро затащила Зину в ее комнату. Захлопнула дверь. Оглянулась вокруг. Собранные вещи, конечно, не укрылись от ее взгляда.

– Это шо? – насупилась она.

– Придут за мной, – вздохнула горько Зина.

– Кто?

Не отвечая, Зина отвернулась к окну. На улице шел дождь, и несмотря на то что было только три часа дня, в комнате было уже темно, как вечером. Дождь всегда успокаивал ее, навевал ожидание чего-то радостного, предвкушение чего-то доброго и приятного. Так было всегда. Но только не сейчас.

– А ко мне зачем шла? – Тетя Валя не спускала с нее строгих глаз.

– Сервизы хочу вам отдать – вздохнула Зина. – И книги. Возьмите и у себя спрячьте. Сохраните, если меня выпустят. – Она помолчала. – Комнату наверняка отберут, в ней чужие люди поселятся. А книги и сервизы жалко. Если я вернусь, потом возьму. А нет – пусть вам достанутся. Книги ценные... продать можно. – Зина изо всех сил старалась не заплакать.

– Вещи, значит, распределяешь, – хмыкнула тетя Валя.

– Ну да. Жалко, если все пропадет. Одежду к черту! А вот книжки... – отозвалась Зина.

– И шо, ты за четвертый день вот так сидишь? – Тетя Валя, похоже, смеялась.

– Вроде...

– И долго еще сидеть будешь?

– Пока за мной не придут.

– А если не придут, шо тогда?

– В каком смысле? – Такая простая мысль как-то не приходила Зине в голову.

– Ой, вейз мир! – наконец тетя Валя смогла заговорить так, как всегда говорила. – Оце-то глядите на нее, пока не вылупитесь! Гепеу за ней придет! – она называла еще по старинке, не привыкнув к грозному слову «НКВД», а может, в этом была и хитрость – просто не хотела его произносить, как в известной пословице о том, что если назвать черта по имени... – Гепеу! Ой, воды, умора! Да де ты такое видала, шоб Гепеу время давало сервизы под книжками раздавать? Де ты за такой холоймес слыхала, шоб ареста за четыре дня ждали? Та не чухай до миня пятки! Это ты там такое до ушей навешалась, де ты швендилась? Тю! Та занеси цей гембель до заду, та нехай за сдачу купят себе трактор! Никто за тобой не придет! Помяни за мое слово, – она передохнула и снова начала: – А то не сини зашипаны куры, а чистое золото, целых сто килограмм – никто за тобой не придет! Нихто! Так шо делай Гепеу як кицке за лапой, шухер отменяется! Не, оно за такое – гембель оно до всегда за голову будет! А вот шухер тебе до полного горла отменяется!

– Вы думаете? – Зина, настоящая одесситка, все поняла, но на какую-то минуту засомневалась, в словах тети Вали была крупица здравого смысла – действительно, аресты всегда происходили неожиданно. Стали бы они тянуть четвертый день!

– Тю! – снова заговорила тетя Валя. – Так шо заматывай цей гармидер да суй по шкафам бебехи! И потом, кому ты запхаешь це? Больно ты им нада, видать, шо время бебехи спаковывать тебе засунули! Разбирай до усе и не морочь за мою бедную голову! Книжки еще не один год сама читать будешь!

И она ушла с победоносным видом, ни секунды не сомневаясь в своей правоте. К огромному ее удивлению, слова соседки немного Зину успокоили.

А на пятый день закончился хлеб. Зина почти ничего не ела в эти дни, но все-таки на тот свет пока не собиралась. А потому, набравшись мужества, вышла в булочную, а потом в бакалею. Увлечшись, Зина проходила часа два. Причем совершенно свободно – никто ни в чем не препятствовал ей, никто за ней не следил. У нее даже был ужин – впервые за пять дней Зина получила нормальную, горячую пищу. И она вздохнула и принялась разбирать вещи.

Через два дня Зина вернулась на работу и сразу в нее погрузилась. Особенность работы в морге состояла в том, что мыслей ни на что другое не оставалось. И это ее устраивало.

Прошло две недели, потом два месяца, жизнь вернулась в привычную колею. И тогда Зина затосковала о Викторе. И напасть эта вдруг оказалась страшнее всех остальных.

Она мучалась, стараясь не подавать виду, не признаваясь самой себе, как страшно не хватает ей его. К тому же в голову ей лезли странные мысли о его судьбе. А что, если Виктора арестовали? Ведь про нее могли забыть, а вот про Виктора – нет?..

Устав бороться с собой, когда у нее выпал очередной выходной, она пошла на улицу Пастера. Боялась она так, что у нее подкашивались ноги. Но тем не менее мужественно поднялась на нужный этаж и нажала нужную кнопку звонка.

Долго ждать не пришлось. Дверь распахнулась. На пороге стояла молодая встревоженная женщина. Лицо ее было заплакано.

– Чего вам надо? – грубо спросила она.

– Простите... – Зина была готова к чему угодно, но только не к такому. – Мне нужен Виктор Барг.

– Кто? – Женщина нахмурилась. – А, этот... Он здесь больше не живет. Мы теперь живем в этой квартире.

– Не живет? – Голос Зины потух. Через силу она произнесла:

– Где он, что с ним?

– Да откуда мне знать? Убирайтесь! – резко ответила женщина.

– Подождите... – Зина в отчаянии вцепилась в ее руку.

В этот момент донесся громкий детский плач, перешедший в кашель. Ребенок кашлял с такой силой, что было слышно – он захлебывался.

– Что, ребенок болен? – встрепнулась Зина.

– Вам-то что? – Теперь ей стало понятно поведение женщины: она в отчаянии. И, похоже, из-за ребенка.

– Я врач, – четко произнесла Зина. – Я могу вам помочь. Ну подумайте, хуже все равно не будет! – она ринулась в комнату.

От неожиданности женщина отступила. В комнате, ближней к входной двери, оставшей в памяти Зины столько неприятных воспоминаний, лежал в кровати мальчик лет шести. Зина сразу поняла, что у него коклюш.

Комната была обставлена очень скудно – только детская кроватка, тумбочка рядом, старая тахта и стул – было видно, что женщина едва сводит концы с концами. Такая картина была хорошо знакома Зине еще по поликлинике на Слободке.

– У вас есть лекарства? – спросила она. Вместо ответа женщина заплакала.

– Все понятно. Ждите. Я сейчас принесу все, и сделаю укол. Ждите.

К счастью, кабинет Зины находился совсем близко от дома. Конечно, в морге не должно было быть дорогих американских лекарств. Это был просто еще один дополнительный источник заработка. У начальства морга был доступ к каналам поставки лучших лекарств – как правило, недоступных простым смертным. Врачи в морге брали эти лекарства, продавали их родственникам, которые приходили на опознание, либо своим коллегам в больницах и поли-

клиниках. Зина тоже делала так, как и все. И теперь в ее шкафу на работе хранились упаковки с дорогим американским лекарством, которые она еще не успела продать.

Это как раз было то, что ей требовалось.

Вернувшись в квартиру, она сделала укол ребенку, дала таблетки. Укол снял дыхательный спазм, и мальчик спокойно заснул.

– У вас есть, кому уколоть? – спросила Зина, складывая в коробочку шприц.

– Соседку попрошу, – сухо ответила женщина.

– Вот эту ампулу надо уколоть еще сегодня на ночь – показала Зина. – Вот эту – завтра утром, эту – опять на ночь. Пять уколов – думаю, достаточно. А это – таблетки. Будете пить их семь дней, я расскажу как.

Женщина записала все ее указания.

– Как мне вас благодарить? – вдруг спросила она. – Где вы работаете, в какой поликлинике? Я хотела бы прийти к вам на работу, поблагодарить.

– Не стоит, – засмеялась Зина, – ко мне на работу вам понадобится еще очень не скоро. Уж поверьте!

Плача, женщина бросилась целовать ее руки. Когда Зина ее успокоила, они прошли на кухню. Женщина угощала Зину чаем и рассказывала все, что знала. Она работала учительницей, жила вдвоем с маленьким сыном. Их поселили в комнату Виктора две недели назад. Из его квартиры сделали коммуналку – в бывших его спальне и гостиной жили другие люди.

По документам оказалось, что эта квартира принадлежала совсем не Виктору. Официально там проживал его брат, чекист Игорь Барг. И вот он как раз-то и был арестован.

– Игорь Барг арестован? Вы не путаете? – Зина действительно удивилась. – А где же Виктор?

– Да, Игорь Барг, чекист, был арестован, – подтвердила женщина, – я это знаю совершенно точно. Мне рассказал друг, который помог получить эту комнату. А его брат бежал. Похоже, его тоже должны были арестовать.

– Бежал... – протянула Зина. – Но куда?

– Как сказал мой друг: если кто-нибудь и знает об этом, то лишь его родственники, которые живут в этом городе. Они помогли ему и скрывают его от ареста.

Зину вдруг обожгло острое чувство обиды. Значит, ее не удосужились поставить в известность! Значит, она для них ноль! Барги! Проклятый клан! Никого не подпускают к себе! А на то, что она мучалась, страдала, не находила себе места, любила Виктора, на это им было наплевать!

– Не расстраивайтесь, – женщина, вздохнув, легко погладила ее по руке, – его не найдут. – Она истолковала ее печаль по-другому.

Зина смахнула слезы:

– Игорь расстрелян, вы не знаете?

– Нет, его отправили в лагерь, – замешкавшись, сказала женщина. И Зина замерла...

Ноги сами понесли ее на работу – к тайнику Каца. К счастью, кабинет его был пуст. Сев за свой стол, Зина налила коньяк в жестяную чайную кружку. Она так нервничала, что крепкий напиток совсем не действовал на нее. По крайней мере, ей так показалось. Но она ошибалась.

Коньяк уже довольно сильно шумел в ее голове, все-таки оказав свое действие, когда Зина обнаружила себя на Ришельевской, рядом с домом, где жили Леонид Барг и его французская супруга Жаннет.

В окнах их квартиры горел свет. Зина стояла на тротуаре и чувствовала страшную тоску. Почему с ней так поступили? Подчеркнули, что она не пара их драгоценному Виктору? Держась за перила, она принялась взбираться по лестнице. В ней начала подниматься ярость, которая не предвещала ничего хорошего.

Она несколько раз нажала на кнопку звонка. Знакомый голос Жаннет спросил, кто.

– Открывайте! Я хочу знать, где Виктор.

– Уходите отсюда, – помолчав ответили из-за двери. Зина отметила, что ей даже не удалось открыться.

От такого оскорбления вся кровь бросилась ей в голову! Как же так, ведь ее любезно принимали в этом доме? И что теперь?

– Немедленно откройте! – Она грохнула в дверь кулаком. – Я ищу Виктора! И вы мне скажете, где он!

– Уходите отсюда, и не возвращайтесь, – раздался голос из-за двери. – Виктор больше не хочет вас видеть. Если бы хотел, сам бы все сообщил.

– Где он! – Зина еще раз грохнула кулаком в дверь.

– Если вы не уберетесь, мы вызовем милицию!

Зина чувствовала себя так, словно ее ударили. Всегда очень тяжело переносила унижения. А тут... Неконтролируемая ярость бросилась ей в голову. Ярость, подогретая коньяком. Зина ринулась на улицу, подобрала с земли булыжник, а затем изо всех сил запустила в освещенное окно квартиры Баргов. Она уже не могла остановиться и швыряла камень за камнем... Звон разбитого стекла, милицейская сирена...

Рядом остановился автомобиль. Зину подхватили под руки и запихнули в машину. Она потеряла сознание.

Очнулась, лежа на деревянных нарах в небольшой полутемной камере. Свет в нее проникал лишь через крошечное окошко под потолком. Кроме Зины, в камере больше никого не было. Было очень холодно. Но с удивлением она обнаружила, что у нее не отобрали одежду, оставили даже пальто.

Стыд обжег ее каленым железом. Зине казалось, что она сама столкнула себя в бездонную пропасть. Закрыв лицо ладонями, Крестовская громко заплакала. Стоило так опасаться ареста, чтобы дать повод себя арестовать! Теперь все будет кончено.

Дверь камеры скрипнула. На пороге стоял милиционер в форме, он держал в руках ее сумку и удостоверение – пропуск в морг.

– Вы Зинаида Крестовская? Идемте со мной, – и он посторонился в дверях, пропуская ее.

К огромному недоумению Зины, ее вывели в холл милицейского отделения. Милиционер сунул ей в руки сумку и пропуск.

– Уходите! Немедленно.

– Как это? – совсем растерялась Зина.

– Уходите! Ничего не было, – он подтолкнул ее к двери.

Оказавшись на улице, Зина побежала. Только преодолев два квартала, она вдруг остановилась, как вкопанная.

Было ясно, что ее отпустили не просто так. Кто-то попросил за нее. Но кто? С какой целью? Начальство в морге? У него нет таких полномочий. Да и кто станет просить за кого-то сейчас? Зина уже медленно пошла по улице, пытаясь собраться с мыслями. Почему ее выпустили? А главное – кто?

Глава 3

Ночь с 2 на 3 февраля, акватория Черного моря, территориальные воды Румынии

Ночь была яркой – ослепительный белый свет луны скользил по гладкой поверхности абсолютно спокойного моря. Было то редкое состояние, когда на море стоял полный штиль. Ясно и светло – что могло быть лучше для немецкого военного корабля, эсминца «Ягуар», который очень осторожно, снизив скорость сразу на несколько узлов, пересекал территориальные воды Румынии, почти вплотную прижавшись к острову.

В ярком свете луны остров был виден отчетливо, даже сторожевые огни на верхушке башни – сигналы для моряков, рискнувших подплыть слишком близко к мысу, чуть выступающему с правой стороны острова.

Скал на острове не было. Днем это был спокойный, чуть унылый ландшафт. Но ночью происходило почти полное преобразование: мирные, тихие пейзажи становились зловещими, словно увеличивались в размерах, и казалось, что это не остров, а морской монстр, чуть пробудившись, выступает вперед из прибрежной пены, чтобы со всей свирепостью обрушиться на спящую землю.

В лунном свете ночи остров был чарующе красив. Им залюбовался даже немецкий вахтенный офицер, вспомнив старинную легенду, слышанную им в далеком детстве, о том, что на этот безлюдный остров приходят со всего света умирать змеи. Эту легенду рассказал старенький преподаватель риторики в католической школе, и душу мальчика охватила в тот момент странная смесь ужаса и восторга. Он несколько месяцев подряд бредил этим островом, мечтал увидеть множество умирающих змей. И вот спустя столько лет почти вплотную приблизился к своей детской грезе.

Между тем путь мимо острова был тяжел. Необходимо было как можно быстрее пройти опасную акваторию, где совсем близко к берегу находились подводные рифы. Но штурман был опытный, курс проложен верно, на корабле все было спокойно, под контролем. И, потушив сигнальные и ходовые огни, в боевом режиме эсминец аккуратно и точно проходил опасное место. В вахтенный журнал были внесены координаты, время прохождения острова Шерпилор, который в другом варианте назывался Змеиным.

Шерпилор – это было по-румынски, да и остров принадлежал Румынии. Но мало кто использовал румынское название, предпочитая называть его так, как окрестили в народе, – Змеиный.

Дело в том, что время от времени на этот остров действительно всегда заносило огромное количество водяных ужей из устья Дуная. Рассказывали, что первые рыбаки, высадившиеся здесь, буквально ступали по сплошному ковру из живых, шевелящихся гадов. Да и в другие

времена змей на острове всегда было гораздо больше, чем любых других существ. Потому и был назван остров Змеиным, и это простое название укоренилось.

Змеиный был расположен примерно в 35 километрах восточнее материкового побережья на широте дельты Дуная. Он имел крестообразную форму, его площадь составляла 20,5 гектара. Расстояние между крайними точками острова было 615 и 560 метров соответственно. Самым близким населенным пунктом на побережье являлся румынский город Сулина. Так же близко находился и населенный пункт, расположенный на территории Украины, – Вилково.

После поражения России в Крымской войне 1853–1856 годов остров Змеиный был включен в состав Румынии. На нем разместили сторожевой батальон румынской армии. Порта не было – остров был слишком маленьким, чтобы содержать на нем оборудованную гавань. Да и необходимости в этом не было. Мало было и местных жителей: население вместе с гарнизоном – до 100 человек.

В общем, это была лишь красивая точка в море, непригодная для человеческого жилья, со своей историей, со старинной легендой. И точно так же, как ставят точку на карте, чтобы от нее проложить линию нужного пути, мимо этого острова проходили корабли, продолжая свой бесконечный путь дальше.

Обо всем этом думал немецкий вахтенный офицер, всматриваясь в безграничную морскую даль в противоположной стороне от острова, которая в эту лунную светлую ночь просматривалась очень хорошо.

Внезапно длинный, протяжный крик заставил офицера вздрогнуть и оторваться от своих мыслей. Крик разнесся над морем, распластался над водой. Резкий, пронзительный, он был похож на голос человека. Почти сразу, как будто в ответ, прозвучал второй – такой же резкий и пронзительный, но на полтона ниже. Казалось, над морем переговариваются как минимум два человека, посылая какие-то свои сообщения на непонятном языке.

Офицер задрожал. Как и все моряки, он был человеком суеверным. Причиной тому во многом была профессия: трудно сохранять здравый смысл и холодный рассудок, когда от бездонной бездны, от пугающей черной пучины тебя отделяет всего лишь тонкая полоска металла, такая хрупкая по сравнению с толщиной воды.

А потому в памяти офицера разом всплыли все легенды о морских призраках, услышанные им в разное время, начиная с того самого периода, когда 15-летним юнгой он вступил на свой первый корабль.

Как правило, моряки обладают богатой фантазией. Надо же себя как-то занимать в длительных морских переходах, когда они буквально заперты в недрах корабля. Поэтому все легенды о морских призраках, русалках, кракенах, «Летучем голландце» такие яркие и убедительные, остающиеся в памяти навсегда. И вот теперь все эти ужасы вдруг словно ожили от страшного крика, прорезавшего ночную тьму и заглушившего даже шум работающих машин.

Перед вахтенным мелькнуло встревоженное лицо капитана – он тоже явно слышал крик и теперь думал, нужно ли как-то реагировать на это. Однако никаких мер принимать не пришлось: крик, раздавшийся неожиданно, так же внезапно смолк, и на корабле снова наступила привычная тишина, нарушаемая лишь приглушенными звуками работающего двигателя. Впереди совсем близко показались очертания острова. Ярko был виден прибрежный огонь. Остров словно вырастал из темноты, быстро увеличиваясь в размерах, казалось, к нему можно было прикоснуться руками.

Внимание всех бодрствующих на корабле было полностью поглощено островом, а потому вначале даже никто не заметил, что из вентиляционных отдушин над первым котельным отделением показался дым.

Первый пожар возник под котлом № 1. Его заметили слишком поздно. Причиной стало воспламенение топлива в трюме в результате протечки нижней части котла. Герметичность его была нарушена, поэтому топливо просачивалось в трюм. Этому также способствовала неис-

правность в трубопроводе, который по территории трюма вел к первому котельному отделению.

Остальные котлы были потушены, первое котельное отделение загерметизировано. Но это произошло слишком поздно – несколько человек, работающих внутри, получили очень серьезные ожоги. Ситуация ухудшилась, когда пожар попытались ликвидировать с помощью пенных огнетушителей и пожарных шлангов.

Едва пена с водой соприкоснулись с огнем, как пламя вспыхнуло с новой силой, что означало, что произошло возгорание не только топлива, но и неких химических примесей, которые запрещалось тушить с помощью воды. Как оказались эти примеси в котельном отделении, было загадкой.

Тогда решили зайти со стороны трюма и очистить трубопровод. К счастью, трюм был пуст. Поэтому, как только удалось перекрыть трубу подачи топлива и устранить течь, пожар стал стихать.

Увы, это ощущение было обманчивым. Спустя два часа под котлом № 1 снова вспыхнуло пламя. В этот раз пожар начался у нижнего края фронтальной доски и сначала показался небольшим. Воздушные клапаны разгорелись, и воспламенились остатки топлива в трюме. В этот раз с помощью пожарных шлангов огонь был потушен достаточно быстро. На скорую руку стали исправлять котельную обмуровку. Но не успели – вспыхнул огонь над котлом № 3. Этот пожар начался почти сразу после того, как огонь под первым котлом был потушен. Как и в предыдущих двух случаях, кажущейся причиной этого воспламенения показалась протечка топлива. В этот раз огонь охватил самую большую площадь во всем котельном отделении. Кроме того, загорелся трюм – в нем воспламенились остатки топлива, разлитые после первого возгорания.

Огонь снова принялись тушить водой и пеной, но это только увеличило площадь пожара. Как только стало ясно, что подобными мерами огонь не ликвидировать, котельное отделение полностью загерметизировали.

Все котлы были полностью остановлены. По приказу капитана радист стал передавать сигнал SOS.

Огонь стал быстро распространяться по судну. В охваченном огнем котельном отделении раздался взрыв, в результате которого осколками взорвавшегося котла был пробит борт. Возникло короткое замыкание. Разлилось топливо бортовых цистерн, которое попало на пучки поврежденных кабелей.

Огонь распространился на пять – шесть главных отсеков корабля, четыре отсека оказались затопленными.

По решению капитана экипаж приготовился к эвакуации. Но спустить на воду шлюпки не успели.

Буквально через минуту после распространения огня по всему судну взорвалось боевое зарядное отделение одной из торпед. Вслед за ним сдетонировали боевые зарядные отделения остальных торпед в торпедных аппаратах.

Взрыв был такой силы, что корабль буквально разнесло на части. Пылающие осколки металла стали стремительно погружаться на дно. Меньше чем через 10 минут после взрыва торпед судно было затоплено. Погибли почти все члены экипажа во главе с капитаном...

Обломки корабля и тела погибших моряков течением принесло к острову. Катастрофа была видна с него, поэтому к месту гибели судна тотчас были высланы лодки и катера, находившиеся там. Но спасти не удалось никого. Тела моряков, которых вытаскивали из воды, были страшно обожжены. Вместо мощного эсминца немецкой эскадры остались только масляные круги и черные обгоревшие обломки на темной, уже спокойной воде...

4 февраля 1938 года, поселок Бугаз, побережье Каролино-Бугаза, недалеко от Одессы

Два местных рыбака шли по песчаному пляжу, любуясь лучами рассветного солнца, освещавшими совершенно невероятно красивую местность. Это была длинная песчаная коса с золотистым, мягким песком, тянувшаяся на много километров между Черным морем и Днестровским лиманом. И даже в лучах холодного февральского солнца пляж был великолепен.

Местные называли этот берег Затоккой. Здесь все было прекрасным: море спокойное, чистые песчаные пляжи, мягкий климат. А для рыбаков – просто рай земной! Местные воды были очень богаты рыбой. Из-за мягкого климата зимой море почти не замерзало, и можно было заниматься рыбачьим промыслом круглогодично.

Зима выдалась бесснежной и теплой. А потому на песке почти не было снега. Местность просматривалась на много километров вперед. Рыбаки уверенно шли к лодке, привязанной к небольшой пристани, собираясь выйти в море и проверить сети со стороны Днестровского лимана. Спокойное море обещало хороший улов.

Эта местность с давних времен была известна как Бугаз. По-татарски это слово означало «коса», в другом варианте перевода – «пролив».

Татарское селение Бугаз было известно в этих краях с 1770 года. Оно было полностью уничтожено во время русско-турецкой войны 1787–1791 годов, но уже в 1791-м возродилось.

После 1792 года территория села вошла в границы земельной дачи А. М. Грибовского, которую в 1802 году выкупил богатый подольский граф Игнаций Сцибор-Мархоцкий. Граф отдал эти земли своему сыну Каролю.

Каролем Сцибор-Мархоцким в 1820 году село Бугаз было полностью заселено. Местные жители занимались в основном рыбной ловлей. Под управлением Кароля село начало процветать, поэтому всю местность стали называть Каролино – то есть принадлежащее Каролю. А очень скоро прибавилось и второе название, быстро прижившееся так, что никто и не называл селение иначе, как Каролино-Бугаз. Так в окрестностях Одессы и возник морской поселок удивительной красоты с таким названием. Правда, это была одна из версий.

Впервые название местности «Каролино-Бугаз» было упомянуто в завещании Игнация Сцибор-Мархоцкого от 14 декабря 1822 года.

Со второй половины 1830-х годов тогда еще хутором стала владеть младшая сестра Кароля – Эмилия Сцибор-Мархоцкая, в замужестве графиня Ингистова.

С этого времени вся местность Каролино-Бугаз, а также хутор Терновый и село Грибовка (Андриановка) принадлежали семье Ингистовых. В 1918 году, спасаясь от революции, они покинули свое имущество и бежали.

Загадочное название между тем продолжало будоражить умы одесситов, порождая различные романтические толкования этих красивых слов.

Так появилась легенда о том, что это место когда-то принадлежало возлюбленной Пушкина Каролине Собаньской и было подарено ей кем-то из богатых поклонников. Однако эта легенда не имела под собой никаких документальных подтверждений и являлась всего лишь красивой фантазией. И действительно – романтика, красота, таинственная чувственность, радость и свобода всегда были спутниками этой удивительно красивой земли, созданной словно бы для того, чтобы порождать в человеческом сердце самые прекрасные порывы и возрождать угасшие душевные силы.

А потому с 1918 года, когда территория селения Бугаз стала доступной и открытой для всех, это прекрасное место отдыха полюбили миллионы людей. В Бугазе, очень скоро переименованном в поселок Затока, всегда легко переносилась жара благодаря морским бризам и прохладе Днестровского лимана. А замечательные пляжи, раскинувшиеся вдоль всего побережья, манили отдыхающих с апреля по октябрь.

К Каролино-Бугазской косе примыкала Будацкая коса, отделенная от нее узким проливом. А вдоль косы шла дорога, также было проложено железнодорожное полотно, которое вело к ближайшему городу – Аккерману.

Рыбаки прошли уже с десятков метров по мягкому песку, когда их внимание привлекло что-то черное, лежащее прямо на песчаной косе, недалеко от рыбацкой пристани.

Это было странно. Никто из местных, выросших в этих краях, не стал бы выбрасывать лодки прямо на песок, вот так, зная, что они могут получить очень серьезные повреждения.

Но, может, тогда что-то прибило к берегу? Бывало здесь и такое – иногда на песчаную косу выбрасывало обломки кораблекрушений, которые происходили в открытом море. А еще на рассветном берегу находили трупы утопленников, опять-таки, жертв моря...

Рыбаки эти не были мародерами, и подобные находки всегда вызывали у них тревогу. Ведь это означало, что где-то произошла беда, в море погибли люди, которым никто не смог помочь. А кто, как не рыбаки, занятые суровым морским промыслом, знают, как уязвим слабый человек перед свирепой морской стихией, вынужденный бросать ей вызов, чтобы прокормить свои семьи и не умереть с голоду.

Переглянувшись, они ускорили шаг. Черные предметы на песке виднелись все отчетливей. Последние метры, не стовариваясь, рыбаки почти бежали, и это было очень неудобно, ноги вгружали в рыхлый песок. И вдруг они остановились как вкопанные.

На песке, очень близко друг к другу, лежали три мертвых дельфина, большие, роскошные черноморские дельфины – афалины. В их мертвых, застывших глазах отражалась прибрежная кромка прибоя.

У людей, живущих возле моря и живущих морем, существует устойчивое убеждение и правило: дельфинов убивать нельзя! Дельфин – это друг и защитник, это дружелюбное морское божество, и если убить дельфина, то это принесет беды, несчастья и проклятия многим поколениям рода.

Убить дельфина означало прогневить Бога, стать враждебным морю и больше никогда не рассчитывать на его защиту и покровительство.

И даже если дельфин гибнет случайно, запутавшись в сетях, это всегда считается бедой и горем для всего рыбацкого поселка.

– Мать Божья... заступница... спаси нас! – Один из рыбаков, Колян, бросился к ближайшему дельфину, с трудом перевернул его и осмотрел неподвижное тело.

Его друг, Федор, помог перевернуть остальных. На телах дельфинов не было ран – следов пуль, гарпунов, ударов весел или чего прочего. Но между тем они были мертвы. Что же могло стать причиной их смерти?

Как уже говорилось, это были черноморские афалины, или, иначе, большие дельфины, или еще бутылконосые дельфины. Длина их составляет до трех метров, вес – от 150 до 300 килограммов. Самцы всегда крупнее самок, отличаются внешне размерами и массивностью. Тело афалины темно-бурое сверху, а снизу ее окрас светлый.

Афалины обитают не только в Черном море, но и в Атлантическом океане и Средиземном море, а также в Тихом океане. Есть и индийские афалины – обитатели Красного моря и Индийского океана.

Они очень умны и умеют подражать людям. Охотно с людьми общаются. Понимают абстрактные понятия, умеют следовать правилам. Понимают указательные жесты человека. Узнают себя в зеркале, что говорит о наличии самосознания.

В общем, афалины дружелюбны к человеку, они никогда, никогда не нападут на него. А сотрудничать с людьми, помогать людям в море они могут, еще очень легко поддаются дрессировке.

Афалины даже способны разговаривать с человеком, поскольку имеют сложный голосовой аппарат и могут освоить до 25 звуков-слов. Так что все рыбаки знают, что они обладают интеллектом, и об уме афалины всегда ходили легенды.

Обитают они чаще всего в прибрежной зоне. Пиком активности, как и у человека, является день, а ночью они сильно устают, теряют реакцию. Средняя продолжительность жизни афалины 20–25 лет.

Но море приносит и беду. Излучение мощных гидролокаторов, которые чаще всего используются на военных судах, вызывают у афалин кессонную болезнь и приводит к их гибели.

Это единственные морские животные, которых во многих культурах мира категорически запрещается употреблять в пищу. Несмотря на то что мясо дельфина на самом деле пригодно в пищу, поедание их приравнивается к каннибализму. Это умное и доброе животное очень похоже на человека. Вот и существует множество легенд, что тот, кто убьет дельфина, навлечет на весь свой род проклятие, которое никогда нельзя будет снять...

Рыбаки молча стояли над телами несчастных дельфинов. Знак надвигающейся беды сделал темным это прекрасное зимнее утро.

– Кто их убил? – Первым бросившийся к мертвым дельфинам Колян все не мог успокоиться. – Зачем?

– Откуда мне знать? – Его друг Федор пожал плечами. – Темные дела делаются в этом мире. Люди без вести исчезают. А ты говоришь: зачем?

– Хорошо, допустим. Но как их убили? Ран совсем нет, – воскликнул Колян.

– Значит, плохо смотрели.

– Давай посмотрим еще раз! – предложил он.

Рыбаки снова перевернули дельфинов, внимательно осмотрели их. Ничего. Ран не было.

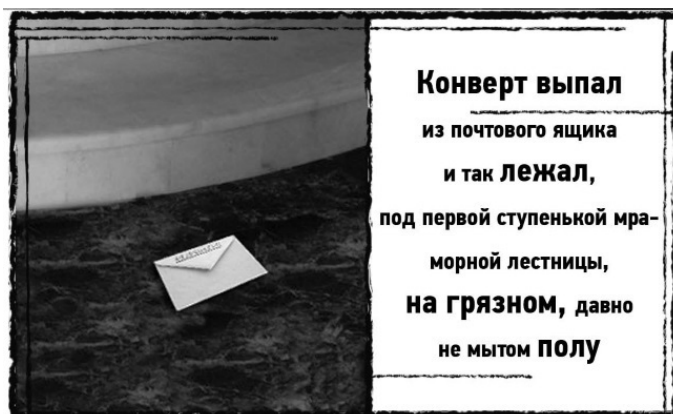
– Может, их отравили? – предположил Колян.

– Чем? И как? – спросил Федор. – Если бы яд попал в воду, то погибли бы и рыбы. Где они, эти дохлые рыбы? Их нет.

– Что теперь делать? – Колян был похож на испуганного ребенка.

– Думаю, сети отменяются, раз такое случилось. Пойдем, – отрезал Федор. – Надо доложить властям.

Глава 4

Конверт, очевидно, выпал из почтового ящика и так лежал, под первой ступенькой мраморной лестницы, на грязном, давно не мытом полу. Огромный, больше обычного, прямоугольник из белой почтовой бумаги, с яркой красочной маркой и гербовой печатью.

Недоуменно хмурясь, Зина подняла его и так и застыла с конвертом в руках. Почему вообще подняла? Она не смогла бы ответить на этот вопрос. Конверт лежал даже не под ее почтовым ящиком. Просто она всегда ценила аккуратность, потому и подняла письмо. И не ошиблась – оно было адресовано ей.

Из медицинского института, знакомое название кафедры... Та самая кафедра, где когда-то Зина стажировалась. Давным-давно, в другой жизни. Вежливое приглашение зайти на кафедру для беседы с заведующей, фамилия которой была не знакома. Аккуратно отпечатанное на машинке. Абсолютно невероятное письмо!

Когда-то Евгений обещал устроить ее именно на эту кафедру. Но не сдержал обещания. Потом она снова пробовала, ходила беседовать, чтобы получить от ворот поворот. И вот теперь... Что могло это означать?

Спрятав письмо в сумку, Зина поднялась в свою квартиру, двигаясь быстро и, как всегда, стараясь не попадаться никому на глаза.

Прошло ровно восемь дней с момента того чудовищного позора, о котором Зина не могла и вспоминать. До такого позора – бить окна в чужой квартире – она не опускалась никогда в жизни. Однако вот опустилась... Что с ней произошло? Думать не хотелось, и Зине начинало казаться, что она подошла к какой-то определенной черте, сложному этапу в своей жизни, за которым придется сделать крутой поворот, чтобы изменить все. Либо ничего не менять. Но если не менять, это может быть хуже, чем полный поворот на 180 градусов. От таких мыслей ей было тошно на душе. Зина как могла старалась поднимать себе настроение. И вот теперь пришло это письмо.

На следующий день, отпросившись у начальства, она переступила порог кафедры медицинского института. Это было так близко от ее страшного места работы, но одновременно – так далеко!

Заведующая кафедрой была ей не знакома. Как узнала Зина из разговора сотрудников, когда ждала в общей комнате, новую заведующую перевели из Киева всего два месяца назад. Она сразу же начала с реорганизации кафедры, принялась полностью укомплектовывать штат. Происходили очень большие изменения, которые приветствовались не всеми. Однако кипучая энергия новой заведующей пришлась по душе начальству, и большинство сотрудников пришли к выводу, что это хорошо.

Все эти разговоры Зина слушала, даже не скрывая особо своего интереса. И тут в комнату буквально ворвалась высокая женщина, от которой просто веяло жизненной силой. Ее седые волосы были подстрижены очень коротко, а зеленые глаза, казалось, пронизывали человека насквозь.

– Вы Крестовская? Вас мне и надо! Идите в кабинет, – новая заведующая говорила резко, отрывисто. И едва Зина оказалась в кабинете, с ходу предложила ей место на кафедре. Преподавать.

Зине казалось, что она спит и видит сон. Она не поняла в первую минуту. Только сердце сжалось странной тоской – какой интересный сон. Жаль, что он так не похож на реальную жизнь.

– Преподавать? Но я... – И тут произошло то, что случалось очень редко – Зина растерялась. Заведующая нахмурилась.

– Мне нужен такой человек, как вы. Сохранились кое-какие документы, ваши разработки многолетней давности. Покойный профессор Замлынский хранил их в отдельной папке. Я ознакомилась с ними. Все ваши работы заслуживают серьезного внимания. Я предлагаю вам продолжить научную работу на кафедре. А параллельно с научной работой будете как раз вести курс по своим разработкам, практические и лабораторные занятия. Переходите ко мне!

– Но я работаю в морге! – вырвалось у Зины.

– Я знаю, – заведующая кивнула с каким-то лукавым огоньком в глазах, – и пора эту несправедливость устранить. Вам не кажется?

– Давайте убедимся, что мы понимаем друг друга правильно. – Зина вздохнула. – Вы предлагаете мне место на кафедре и научную работу?

– С возможностью защитить диссертацию, подготовку к которой вы начнете почти сразу, – вставила заведующая.

– И вы готовы взять меня на работу из морга? – еще раз уточнила Зина.

– Вы говорите так, словно в морге работают одни прокаженные, – усмехнулась заведующая, – а это далеко не так! В морге работают самые ценные специалисты, между прочим. Лично в моей практике тоже был такой опыт. И я уверена, что и для вас он был полезен. Но мы говорим не о том. Вы готовы перейти на следующей неделе, с понедельника?

– Неделя? Меня не отпустят.

– Я поговорю с Николаем Степановичем. Все будет улажено быстро. Никаких препятствий не будет. Так что же – вы переходите? – В голосе заведующей зазвучало нетерпение, а в голове Зины вдруг загорелся красный тревожный сигнал.

Странное это было состояние! Исполнялась ее мечта, когда-то, давным-давно составлявшая весь смысл ее жизни. А она вместо того, чтобы радоваться, подозревала нечто совершенно другое. Работа в морге способствовала этому или жизнь на многое открыла ей глаза, Зина не знала. Но она прекрасно понимала, что все происходит не просто так.

– Почему, – вырвалось у нее, – почему вы предлагаете мне это? Кто за меня просил?

Краска отхлынула от лица заведующей. И, удивленная словами Зины, она даже несколько отшатнулась от нее.

– Ну да... За вас просили. Но какое это имеет значение? – В голосе ее послышалась некая враждебность, и Зина была уверена, что не ошибается.

– Кто просил? – настаивала она.

– Какая вам разница? Подобные предложения на улице не валяются! Вы или переходите, или нет! Да, за вас просили... Взять вас на кафедру. Но это ничего не меняет. Для вас это шанс изменить свою жизнь. Все хотят сбежать из морга! Вот и бегите, пока есть возможность.

– Кто просил? – снова повторила Зина в каком-то отчаянии, прекрасно понимая, что это риторический вопрос. – Николай Степанович?

– Цапко? – заведующая хохотнула. – Это не в его компетенции, поднимать такие вопросы.

Зина нахмурилась. Предложение было очень заманчивым. Но она не сомневалась, что в нем скрыты огромные подводные камни. Впрочем...

– Я перехожу, – ответила она.

– Вот и хорошо, – заведующая как будто расслабилась, – завтра я введу вас в курс дела.

Морг был рядом, и Зина прошла сразу к кабинету Цапко.

– Вы пришли сказать, что уходите, – сказал ее начальник, едва она появилась в дверях.

– Откуда вы знаете? – Зина опешила.

– Мне звонили и велели вас отпустить.

– Кто звонил?

Вместо ответа Цапко лишь пожал плечами.

– Вам повезло, – тяжело вздохнул старик, – у вас нашлись высокие покровители, которые сумели замолвить за вас словечко. А вот мне некуда уйти...

– Нет у меня никаких покровителей... – начала было Зина, но тут же осеклась под неприязненным взглядом старика.

– Перестаньте! – резко сказал он. – Вы сильно пробивная. По головам идете, действуете за спинами. Но однажды это вам боком выйдет. Попомните мое слово!

Из кабинета Цапко Зина вышла едва не плача. Радость от предложения вдруг померкла, стерлась под нагромождением всех этих темных, подозрительных намеков и неприятных подзвучиваний, окутавших ее словно прочной, но невидимой сетью. И вместо радости, огромного душевного подъема Зине хотелось плакать.

Цапко очень быстро подписал все документы. Зина собрала свои личные вещи. Прощаться было не с кем – в морге работали новые люди, их Крестовская почти не знала и ни с кем не сошлась близко. А потому, взяв сумку со своими вещами, навсегда ушла из этого странного и страшного места, все-таки бывшего ее домом. Очередная страница в ее книге жизни подошла к концу. Оставалось смело идти дальше, что бы ни ждало ее за ближайшим поворотом.

Дома Зина улеглась в кровать, потеплей закуталась в одеяло и принялась размышлять. Она определенно чувствовала, что ее жизнь контролируют какие-то странные силы. И они обложили ее так прочно, что она не могла им противостоять.

Зина не сомневалась ни секунды, что увольнение из морга и переход в институт устроила та же самая сила, которая воспрепятствовала ее аресту.

После той ужасной истории с оборотнем ее не арестовали. Ее выпустили из отделения милиции после хулиганской выходки. А ведь после такого не выпускают – никогда. И вот теперь – увольнение из морга и перевод в институт.

Лестно было бы думать, что ее позвали потому, что она хороший и ценный специалист. Однако это было неправдой. Заведующая кафедрой лгала. Не существовало никаких разработок, никаких старых работ. Она нигде не могла с ними познакомиться. Зина прекрасно знала, что все ее работы старик Замлынский отдал своему сыну Евгению. Именно на них Евгений защитил диссертацию, ведь его отец поставил на этих работах его имя, а не имя Зины. Ни одной бумаги, подписанной Зинаидой Крестовской, в институтских архивах не было. Зина знала это абсолютно точно. Еще тогда, в те годы, доказательства этому добыл Андрей Угаров. Зачем же понадобилась эта ложь?

Зина не понимала. И на фоне этой лжи предложение показалось не таким уж и привлекательным, как на первый взгляд!

Что потребуют от нее взамен? А Зина понимала, что потребуют. И начала догадываться кто, потому что уже почти не сомневалась в том, кто за этим стоит.

И это горькое знание окутывало печалью то, что на самом деле могло быть радостью. Но тонкая паутина смертельной лжи и хитрых манипуляций, которая опутывала ее, поглощала все яркие краски, погружая окружающий мир в черно-белые тона.

Следующие две недели Зина была так занята, что на глупые мысли больше не оставалось времени. Следовало готовиться к занятиям, оживлять в памяти забытый материал, заново учиться преподавать.

С утра до ночи она просиживала в библиотеке: писала конспекты лекций, составляла планы лабораторных работ. Ей почти сразу поручили вести группу на вечернем отделении. Перед тем, как войти в аудиторию, Зина волновалась так, что у нее дрожали руки.

Вечерники – это не легкомысленные студенты, только со школьной скамьи, это взрослые люди, очень серьезные к тому же: днем работают, вечером – учатся. Многие старше ее самой. К ним не подойдешь с шуточками и разными глупостями. Тут опасно показаться некомпетентной.

И Зина готовилась изо всех сил, перед тем, как провести свое первое занятие, бывшее для нее самой своеобразным испытанием.

Но, к ее удивлению, все прошло хорошо. Группа встретила ее доброжелательно. Студенты проявляли интерес к тому, что она пыталась им рассказать. Реагировали на ее слова, заинтересовались новым для них материалом. Словом, все страшилки жили исключительно в воображении Зины.

Впрочем, когда после двух пар, уже поздним вечером, она вышла на улицу, то вдруг почувствовала сильную боль в горле. От долгого разговора, непривычного для нее, разболелись голосовые связки. Это было профессиональной проблемой преподавателей. И, осознав, что с ней происходит, Зина поняла, что новый этап в жизни для нее начался.

Так прошло две недели. Постепенно она втянулась в новый для себя ритм. И, возвращаясь домой поздно вечером, даже успевала подготовиться к завтрашним лекциям, составить нужные конспекты и собрать необходимые книги. Ей нравилась ее новая жизнь – несмотря на то что теперь она уставала гораздо сильнее, чем во времена работы в морге. Но если усталость была физической, то на душе было легко. Зине казалось, что она поднялась на новый уровень и сама выросла в собственных глазах. Как бы то ни было, теперь ей не грозили две профессиональные болезни работников морга, к которым она уже скатывалась с ужасающей скоростью: алкоголизм и цинизм.

Так прошел месяц. Затем – еще один. 1937 год сменился 1938-м. А Зине между тем казалось, что за это короткое время она успела прожить целую жизнь.

6 февраля 1938 года

Зина тяжело поднялась по лестнице, поставила на пол сумку с продуктами и потянулась за ключом. На ее ручных часах, с которыми она не расставалась уже который год, была половина десятого вечера – Крестовская задержалась в институте допоздна.

Практические занятия у вечерников несколько затянулись. После этого Зина еще приняла пересдачу по двум лабораторным, а пересдавать приготовились сразу несколько человек.

Когда вечерники разошлись, кафедра была еще открыта. И до того момента, как появится уборщица, злобно громящая ведрами, Зина решила остаться там, чтобы подготовить конспекты завтрашних двух лекций и начать составлять календарный план на следующий месяц. Идти домой не хотелось. Зине очень нравилось сидеть на кафедре поздним вечером – в одиночестве, в уюте и тепле. Тем более, что дома у нее было холодно, а в институте топили очень хорошо.

В обед, когда у нее было два «окна», она успела забежать на Новый базар, чтобы купить кое-что из еды – другого времени на покупки у нее не было, нагрузку на кафедре все увеличивали, но Зину не смущало это обстоятельство, скорее наоборот.

Коллектив кафедры был разношерстный, преподаватели – разного возраста и совершенно разных жизненных предпочтений и взглядов.

Три заслуженных профессора, каждому из которых было за 60, держались особняком, презирали окружающих и не снисходили до рядовых сотрудников. Время от времени они при-

нимались интриговать, выбирая себе очередную жертву. Заведующей, как новому человеку в институте, работалось с ними очень тяжело. Но, так как профессора составляли костяк кафедры, ей оставалось мириться с их интригами, закрывая на все глаза.

Крестовскую они невзлюбили с первого взгляда, и с тех пор всегда интриговали против двоих сразу – против жертвы, которая менялась, и против Зины. Порой она страшно скучала по моргу, в котором ее подопечные никогда не интриговали против нее, не изводили замечаниями и придирками.

Помимо профессуры, были рядовые преподаватели разного возраста – от средних лет до молодежи – и девчонки-лаборантки. Молодежь занималась сплетнями и друг другом. Преподаватели среднего возраста бегали за молоденькими лаборантками и за студентками. Все эти люди очень сильно отличались от нее, Зины.

Она чувствовала себя гораздо старше их всех, ведь у нее был колоссальный жизненный опыт, полученный в морге. А потому за все время, что уже работала в институте, Крестовская ни с кем не сошлась близко, ни с кем не подружилась. Впрочем, это ее не особо и печалило.

Зина всегда с трудом сходилась с людьми. Дружба с Кацем была в ее жизни единственным исключением, когда она нашла общий язык с коллегой и с начальством. Поэтому Зина держалась особняком, чувствуя некоторую настороженность коллег.

Впрочем, в преподавательской среде почти всегда царит та же атмосфера, что и в среде творческой – атмосфера сплетен и зависти. Поэтому дружеские связи в такой обстановке очень редки.

С заведующей кафедрой у Зины сложились двойственные отношения. С одной стороны, Крестовской импонировал ее сильный характер, четкая организованность, с которой она наладила работу кафедры. С другой – не нравилась ее авторитарность, бескомпромиссность и некая узколобость во многих вопросах. Но Зина все же старалась не идти на открытый конфликт. Впрочем, особой почты для конфликтов и не было – Крестовская очень старалась. Хотя чувствовала, что в глубине души заведующая ее, Зину, очень сильно не любит, и ей с большим трудом удастся это скрывать.

Зину забавляло это лицемерие, тем более, что она не понимала причины. Но так как работать в институте ей все же нравилось, она старалась особо не копаться в этом.

Итак, была половина десятого вечера, когда Зина наконец-то вошла в квартиру. В бесконечно длинном коридоре коммуналки горела тусклая лампочка, навевающая тоску. Зина медленно шла по этому коридору к себе.

Дверь комнаты тети Вали приоткрылась, и соседка выросла на пороге так неожиданно, что Зина вздрогнула.

– Тетка к тебе приходила, – заявила тетя Валя, – смурная такая тетка.

– Кто? – не поняла Зина.

– Тетка приходила, говорю! Она до тебя в дверь позвонила. Но я услышала. Знала, шо тебя до дома нет, вот и пошла. Дверь открыла.

– Женщина? Пришла ко мне? Что сказала? – очень удивилась Зина, потому что некому было к ней приходиться.

– Та ниче особо не сказала. Зина, говорит, Крестовская мне нужна. Ты кто? – спрашиваю. Зины дома нет, на работе она. Вот я и спрашиваю. Удивилась. На какой, мол, работе в восемь вечера.

– Восемь было? – уточнила Зина.

– Шо-то за то. Институт, говорю, лекции ведет. Тетка очень удивилась. Так удивилась, шо аж глазами хлоп! А потом говорит: я, мол, с Зиной в институте училась. Когда-то мы с ней близкие подруги были. Пока я из Одессы не уехала...

– Имя, имя сказала?! – разнервничалась Зина.

– Ниче не сказала, не хипишуй! Не было имени. Ну, говорит, я еще зайду – и пошла.

– А как она выглядела?

– Ниже тебя ростом. На цельную голову. Кругленькая, как шарик. Волосики темные. Но не черные, а такие, коричневые. Потемней тебя. В пальтишке она была, черном, воротник драповый. Хороший драп на пальте. А на голове шапка вязаная, белая. И ботики. Обычная тетка.

– Она не сказала, когда еще придет?

– Ниче не сказала. Привет, говорит, ей, зайду еще – и пошла.

– А почему вы сказали – смурная? – вдруг насторожилась Зина, прекрасно зная свою говорливую соседку, которая, тем не менее, никогда не разбрасывалась словами просто так.

– Смурная, – повторила тета Валя, – грустная очень. Ну такое лицо грустное – шо ни в жисть! Я потом и сама расстроилась – думаю, надо было ее хоть в кухню пустить, подождать. Но за поздно уже было. Грустная. Да за сейчас все ходят с таким лицом. Портрет времени! Ну кто за сейчас будет улыбаться?

Глава 5

Такой подругой Зины по институту могла быть только Маша Игнатенко – когда-то они действительно были очень близки.

Маша... Милая подружка Машка! На первом курсе они были не разлей вода. Но потом их пути разошлись. Зина стала специализироваться в педиатрии, а Маша после окончания института стала терапевтом. Крестовская осталась на кафедре при институте, а Игнатенко получила назначение в Севастополь, в какую-то больницу для военных моряков, уехала туда да так там и осталась.

Это было все, что Зина знала о жизни бывшей подруги. Разойдясь на старших курсах, они не писали друг другу. И вот теперь Маша появилась. Зачем?

Зина задумалась. В рассказе тети Вали ее сильно насторожила одна вещь. По описанию действительно выходило, что это Маша. Других близких подруг в институте у Зины не было. Но... Грустное лицо?

Маша была удивительно жизнерадостным человеком! Она просто сияла доброжелательностью к людям. Сколько Зина ее помнила, Маша никогда не была в плохом настроении. Улыбка не покидала ее лица. Чтобы ни произошло в ее жизни, Маша никогда не теряла жизнерадостности и оптимизма. Зину в свое время это очень сильно раздражало, сама она не умела так относиться к проблемам.

И вот теперь – грустное лицо! Значит, у Маши что-то случилось, и это было серьезно. Возможно, она пришла к ней за помощью и, не застав, ушла. Но куда?

Зина заметалась по комнате, она не могла не думать об этом. Где же искать теперь Машу?

Внезапно ее осенила одна догадка, и она выскочила из дома. Ноги сами понесли ее к телефонной будке-автомату на углу. Несмотря на поздний час, Зина решилась позвонить на работу, в Еврейскую больницу, своему другу Саше Цимарису – однокурснику, из той самой группы, в которой учились и они с Машей. Крестовская сохранила с ним хорошие отношения, и они перезванивались время от времени. В отличие от Зины Цимарис был человеком очень общительным, поддерживал связи со многими. Возможно, он что-то знал о судьбе Маши?

Зине повезло – Саша был на дежурстве в больнице.

После пары общих фраз она спросила напрямик:

– Ты знаешь, что Маша Игнатенко в городе? Она приехала в Одессу.

– Приехала в Одессу? – удивился Цимарис. – Что ей здесь делать, особенно сейчас?

– Не поняла, – насторожилась Зина. – А почему она не может приехать?

– Так она же замуж собирается! Свадьба назначена на 1 марта, – хмыкнул Саша. – Что ей делать в Одессе 6 февраля?

– В смысле замуж? – Зину кольнуло неприятное чувство: оказывается, ее подруга даже не поставила ее в известность об изменениях в своей жизни.

– Ну да, за военного моряка. Он служит в Севастополе. Я точно знаю – один мой приятель был по делам в Крыму и там с Машкой виделся. Я еще попросил передать ей привет, – охотно сообщил Цимарис.

– Это точно, что она собирается замуж? – настаивала Зина. Приезд подруги перед свадьбой выглядел совсем странно. А может, она приехала пригласить ее на свадьбу? Это могло бы объяснить ее визит – если бы не грустное лицо. И потом, если бы речь действительно шла о приглашении, Маша оставила бы записку, пригласительный, в конце концов...

– Да уж точнее некуда! – воскликнул однокурсник. – Мой друг и жениха ее тоже видел. А откуда ты знаешь, что она в Одессе? – в свою очередь спросил он.

– Она пришла ко мне домой сегодня вечером, но не застала меня. Не оставила ни адреса, ни записки. У кого она может остановиться, как ты думаешь?

– Машка? Даже не знаю. Родственников у нее в Одессе нет, – это была правда, родом Маша была из Херсонской области, там жили ее родные, а в Одессе она поселилась в общежитии, – да и близких друзей тоже. У тебя могла остановиться! – засмеялся Саша.

– Ну гениально! – хмыкнула Зина. – Именно поэтому я и ищу ее, да?

– Ага... – протянул он, – ночное дежурство, что ж ты хочешь! Ну не знаю, могла остановиться в гостинице или снять комнату. На вокзале же ж много сдают.

– Как же мне ее найти? – вырвалось у Зины, которая вдруг почувствовала, остро ощутила, что в жизни ее подруги что-то пошло не так.

– Даже не знаю... – Саша заговорил серьезно. – Давай сделаем так. Я завтра всех наших обзвоню, пораспрашиваю. Вдруг что узнаю. А ты перезвони мне в больницу, может, что и обнаружится.

Повесив трубку, Зина долго смотрела в одну точку. Затем набрала номер общежития медицинского института. К удивлению Зины, вахтерша разговаривала с ней достаточно вежливо. Но надежды ее не оправдались – Маши там не было. Замерзнув и расстроившись, Зина вернулась домой.

В комнате кто-то был... Впервые в жизни Зина проснулась от этого странного, непонятного чувства – присутствия в комнате кого-то чужого. Лишь кожей, шестым чувством, напряжением каждого нерва она вдруг почувствовала чужое дыхание в помещении, которое сливалось с самыми обычными, привычными звуками, но, тем не менее, Зина могла бы поклясться, что оно – есть.

Ночь была совершенно спокойной. Промерзнув на улице, Зина натянула одеяло до подбородка. В голову лезли привычные мысли – о работе, о прошедшем дне. Изредка их разбавляли воспоминания о прошлом, но Зина старалась не акцентировать на них свое внимание. Ей хотелось просто раствориться в теплом забытии – и все...

И вдруг сквозь сон Зина почувствовала странный запах – вонь «Тройного одеколона». Этот запах был знаком ей еще по моргу: время от времени санитары, вместо того, чтобы протереть руки обычным спиртом, поливали их этой дешевой гадостью, потому что спирт они успели выпить. И тогда даже в коридор нельзя было выйти. Почему-то считалось, что «Тройной одеколон» отлично перебивает все запахи. Зина не знала, так ли это на самом деле, не приходилось проверять на собственном опыте. Но вот теперь почувствовала эту вонь даже сквозь сон и с ужасом открыла глаза.

Она резко поднялась в кровати. Дрожащая ночная лампа за окном оставляла рваную тень на стене. Зине вдруг показалось, что в круг этой тени попало что-то неподвижное, сплошное и темное.

– Кто здесь? – хрипло прошептала в темноту, не рассчитывая, впрочем, на какой-то ответ.

Его и не последовало. Однако запах усилился. Теперь он заполнял всю комнату, приближаясь к ее кровати. Зина попыталась встать, но в этот момент чьи-то руки с силой схватили ее за плечи. Чувствуя отвратительную вонь совсем близко, Крестовская провалилась в спасительную темноту.

Утро 7 февраля, поселок Бугаз, побережье Каролино-Бугаз, недалеко от Одессы

К ночи погода испортилась. Море стало бурным. Пенные валы отсвечивали белым сквозь ночную тьму, а порывистый ветер, воя в ветках деревьев, сбивал с ног людей и поднимал тучи песка, которые, как хищные птицы, впивались острыми когтями в человеческую кожу.

Никто не спешил на берег моря. Ветер ревел вовсю, всей своей свирепостью предвещая беспощадную бурю. Несмотря на бурные валы, море казалось каменным, сплошным монолитом, единой бетонной твердью, неспособной отступить ни сантиметра назад от земли, взрываемой беспощадной яростью суровой морской стихии.

Прислушиваясь к страшным завываниям ветра, рыбаки качали головами, понимая, что к завтрашнему утру разразится страшный шторм. Еще до темноты они успели вытащить все свои лодки на берег. А те, которые вытащить было нельзя, постарались прочно закрепить, примотав цепями к сваям в пристани. Но это было ненадежной защитой – все знали, что в суровый шторм волны с силой выворачивают сваи и уносят лодки в открытое море вместе со сваями и цепями. Сила моря несоизмерима с человеческой силой, перед ней человек – всего лишь слабая смертная песчинка, которая не может противостоять вековой ярости древней стихии.

Иногда штормы разыгрывались не на шутку, бушуя по несколько дней. Тогда весь поселок, все дома, ближние к линии моря, заливало водой, подтачивая дворы и жилые постройки. Чтобы укрепить жилище и противостоять разрушению, в каждом дворе были тяжелые мешки с песком. Ими обкладывали дома, строя своеобразный буфер, способный удержать стену.

Рыбаки знали: в шторм в море нельзя выходить. Какой бы ни была рыбацкая удача, она становилась абсолютно бесполезной в бушующем очаге кипящего моря. Гибли и самые смелые, и самые удачливые, и самые храбрые – все были равны перед лицом вечности, как бы они ни сопротивлялись и как бы ни пытались покорить стихию.

Вот и оставались в своих домах рыбаки, с профессиональной точностью чувствующие приближение шторма, способного охватить все побережье.

Время ненавистой ночью шло быстро. Когда же часы пробили самое раннее утро, стало ясно, что рассвет не наступил. Белый свет не смог пробиться сквозь гряду свинцовых облаков, которые словно металлическим шлемом сковали, окружили, оградили море, такое же бурное, с пенными валами, готовое закипеть в любой момент.

К рассвету стало ясно, что шторм пока не начался. Пенные валы стали чуть менее бурными. А уже к шести утра тусклые полосы белого света упали на притихшую землю, застывшую в ожидании бури. Те, кто рискнул выйти из дома и дойти до песчаного пляжа, занялись своими делами. Всем было ясно, что погода дала небольшую передышку, и шторм разразится вечером.

А значит, еще можно успеть подготовиться к его беспощадному наступлению.

Два рыбака с трудом шли по песчаным дюнам в сторону лимана, уклоняясь от порывов ветра. В одном из них можно было узнать того, кто нашел мертвых дельфинов на пляже. Вторым был старик – местный староста, переживший гражданскую войну, бессменный глава поселка. Человек очень дипломатичный и хитрый, он умел договориться со всеми властями и бандами, чтобы местные жители не страдали, чтобы всегда беспрепятственно могли выходить в море. Он был непререкаемым авторитетом, главой местной общины, человеком, к которому испытывали настоящее уважение все местные жители.

И только большевики смогли оставить этого ценного дипломата не у дел, выбросив старика с должности местного старосты и назначив главой поселка какую-то заезжую пигалицу,

комсомолку из города. Приехав в Одессу из центральной части Украины, девица никогда в жизни в глаза не видела моря и ничего не смыслила в рыбаках, и уж тем более – в рыбацьем промысле. Зато она была идейной коммунисткой, лихо продвигалась по партийной линии и была назначена в поселок на должность, ничем не умея управлять.

Но это было правилом советского строя: назначать на ответственные посты не умных и умелых людей, профессионалов своего дела, а идейных партийных работников с коммунистической идеологией, пустобрехов, как говорили в народе.

Пигалицу возненавидел весь поселок. Тем более – было за что. Ничего не понимая в местных особенностях, она только вмешивалась во все и всем мешала. А за советом и за помощью по-прежнему шли к старику, бывшему старосте, прислушиваясь только к его слову во всех важных вопросах.

– Зря ты тревогу бьешь, – сказал старик, обращаясь к рыбаку и отплевываясь песком и прикрывая глаза ладонью от ветра, – в Одессе он, помяни мое слово. В Одессу уехал. И вернется не раньше чем через год. А чего? Семьи нет, детей нет, так себе, перекасти-поле. Ему и невдомек, что ты душу тут рвешь, тревогой исходишь.

– Нет, – шедший рядом рыбак покачал головой, – точно говорю – нет. Не мог Колян так уехать. Друг он мне! Не такой он человек, щоб вот так сняться и все бросить. Беда с ним, вот чувствую прямо сердцем, беда – и все. Нету его ни в какой Одессе.

Они говорили о втором рыбаке, бывшем в то страшное утро на берегу, когда нашли мертвых дельфинов. Он как-то неожиданно исчез.

И друг Коляна, партнер по рыбацьему делу – ведь лодка и сети у них были на двоих, – не находил себе места. Ну как так Колян мог исчезнуть, в никуда! Это слишком уж не вязалось с привычками, с образом жизни этих людей, суровых, но надежных, как само море.

После того, как они доложили о местных дельфинах, начался, как говорят в Одессе, гвалт. Пигалица-начальница позвала милицию. Немедленно появились важные чины из Одессы. Все сфотографировали, задокументировали, записали, опросили рыбаков. Те подписали показания. Непонятно зачем, но и с Федора, и с Коляна взяли подписки о невыезде.

Затем мертвых дельфинов увезли, а рыбаков отпустили домой. Вернее, домой ушел один, Федор, а Колян почему-то остался. Федор спешил домой, чтобы успокоить жену – она ждала второго ребенка, беременность была тяжелой, и он знал, что ей нельзя нервничать. А у Коляна не было семьи, он был холостой, поэтому и не пошел домой, а остался еще немного потереться возле городского начальства, послушать их разговоры. Он вообще был сплетник, Колян этот, да и любопытства в нем всегда было через край. Вот и решил он быть в центре событий.

К вечеру, когда жена Федора успокоилась, он решил послушать, чего Колян узнал, и пошел к нему. Однако того дома не было, на двери висел огромный замок. А по словам старухи-соседки, которая копалась рядышком в своем огороде, она Коляна с утра не видела, сказала: как он ушел сети проверять, так больше домой не вернулся.

Федор не сильно обеспокоился – Колян мог пойти к какой-нибудь из своих баб, их у него хватало не только в поселке, но и в соседних деревнях. Но когда и утром Колян не объявился и не вернулся домой, Федор почувствовал настоящую тревогу.

Он принялся искать друга по всему селу. Заявился к вдове почтальона Семенчихе, с которой Колян крутил в последнее время. Но та его не видела уже с неделю. Ничего не знала и Катря – еще одна пассия Коляна, которая вместе с глухой матерью жила на степном хуторе, как раз по Аккерманской дороге. Тогда Федор поднял настоящую тревогу.

Бывший староста решил организовать поиски и попросил помочь нескольких местных мужиков. Те охотно согласились. В селе Коляна любили. Мужики обыскали весь поселок, заехали в соседние села – его нигде не было... И прошло целых три дня, как бесследно пропал. Когда же Федор обратился к пигалице-начальнице, та лишь раскричалась и выставила его из своего кабинета.

И вот вечером перед штормом старику кто-то из местных принес известие, что в заброшенном доме за холмом перед лиманом видели свет. Староста рассказал это Федору, и вместе они решили проверить.

Сговорились идти после шторма. Но Федор всю ночь не находил себе места, и когда к рассвету шторм так и не начался, он бросился к старосте и уговорил его пойти в тот дом, тем более, что это было единственное место, куда мужики так и не заглянули.

Этот заброшенный дом пользовался дурной славой. Его старый владелец перебрался в Одессу, где вскоре умер. После этого в доме жили разные люди. Но когда там повесился один атаман, чья банда подбиралась к Аккерману, никто больше там жить не захотел. Дом стал разрушаться и со временем оказался совсем не пригодным для жилья. Ну а местных жителей, хорошо помнивших про атамана, и калачом нельзя было подманить к этому месту.

За холмом было поспокойней. Вблизи отчетливо виднелись темные воды лимана – густые и неподвижные, как чернила. Дорога к дому заросла камышом. Собственно, сложно было назвать домом почерневший остов строения без окон и с половиной крыши.

Несмотря на погоду, вокруг стояла какая-то пугающая тишина. Староста украдкой перекрестился. А Федор крепче сжал увесистую палку, которую на всякий случай взял с собой.

Но едва они подошли ближе к покосившейся двери, как стало понятно, что пришли напрасно. Что делал бы Колян в таком месте? Здесь нельзя было ни спрятаться, ни жить. Да и с чего бы он стал прятаться?

Мужики остановились, прислушиваясь. Вдруг тишину прорезал долгий, протяжный скрип, словно скрипнула дверь в петлице. Затем – снова. И снова.

– Пойдем, надо бы глянуть, коль уж пришли, – староста решительно шагнул вперед, в дверной проем.

Они оказались в большой комнате, заваленной мусором и заставленной обломками старой мебели. Над ней сохранились остатки крыши, поэтому здесь было не так сыро.

Осторожно пошли вперед... И вдруг оба застыли, подавив крик. Тело Коляна висело, раскачиваясь под потолком. Толстая пеньковая веревка была перекинута через прочную балку, а внизу валялась отброшенная в сторону табуретка. Эта балка и издавала тот пронзительный скрип, который отчетливо был слышен снаружи.

Первым очнулся от столбняка Федор. Издав нечто вроде рычания, он бросился вперед, попытался снять тело. Староста вынул нож. Кое-как они обрезали веревку.

Кожа Коляна была ледяной на ощупь, и было件件но, что мертв он уже довольно давно. В его широко раскрытых глазах застыло выражение какого-то детского удивления. Так смотрят дети на закрытую коробку, в которой может оказаться игрушка. Это выражение глаз никак не вязалось с трагичностью его смерти.

Обняв тело Коляна, Федор зарыдал. Староста, пытаясь его успокоить, наклонился и невольно поморщился: от трупа очень сильно несло «Тройным одеколоном».

– Но почему? – рыдал Федор. – Зачем ты так, Колян? Почему?

– А ну-ка положи его, – вдруг резко произнес староста, и Федор, подчиняясь властному тону, опустил тело друга на выщербленный пол, покрытый мусором.

Старик отогнул воротник рубашки Коляна. Голова его была неестественно согнута в сторону – веревка сломала шейные позвонки. А на шее, в том месте, где она была, виднелся багровый кровоподтек, в котором запеклись капельки крови.

Староста посмотрел, что находится в карманах покойного. Никакой предсмертной записки не было и вообще там не нашлось ничего особенного – мелочь, остатки махорки, моток какой-то бечевки... Да еще стеклянный пузырек с таблетками белого цвета, где оставалось три штуки.

– У него желудок больной был, доктор в городе прописал, – пояснил Федор, не сводя глаз с лица своего мертвого друга, на котором застыло удивительно спокойное выражение.

Глава 6

9 февраля 1938 года, Одесса

Зина пришла в себя от головной боли и от удушающего отвратного запаха, просто разрывающего ее ноздри. «Тройной одеколон». Отвратительный одеколон с мерзким, тошнотворным запахом. Зина всегда любила изысканные, тонкие ароматы, и это издевательство над человеческим обонянием просто не понимала. Кто мог создать такую гадость? И главное, почему эта гадость преследует ее, да еще с такой силой, словно в ноздри ей вставили тампоны, смоченные в этом одеколоне?..

Зина поморщилась, попыталась сесть. К ее огромному удивлению, это ей удалось без труда. Она открыла глаза, пытаясь осознать, что происходит с ней — сон или все-таки пугающая реальность.

Она увидела, что находится в небольшой комнате с низким потолком, стены и потолок которой выбелены известкой. В комнате было одно окно. Сидела она на металлической кровати, прямо на матрасе, на котором не было постельного белья. Но матрас, заметила она мимоходом, казался чистым.

Посередине комнаты стоял небольшой стол без скатерти, перед ним — два простых деревянных стула. На столе стояла потушенная керосиновая лампа с закопченным стеклом.

Это место не было похоже на тюремную камеру. По своему опыту Зина знала, что тюремные камеры выглядят совершенно иначе.

А эта комната могла показаться даже миленькой, несмотря на убогую обстановку. Но больше всего Зину поразило то, как она была одета. Поверх ночной рубашки, в которой она легла спать, было надето... платье, в котором она вернулась с работы. А на полу возле кровати стояли... ее сапоги! В изголовье кровати Зина обнаружила вещи, которые аккуратно, как обычно, сложила на стуле возле кровати в своей комнате, когда переодевалась ко сну, — комбинацию, носки и шерстяные рейтузы...

Ноги Зины были голыми, и она вдруг почувствовала, что ей страшно холодно. Зубы моментально застучали, а тело пронзила противная дрожь. Печки в комнате не было. Несмотря на страх и недоумение, Зина быстро схватила свои вещи и принялась одеваться. Делала это она очень быстро. Избавившись от ночной рубашки и старательно расправив платье, Зина почувствовала себя намного лучше.

Что с ней произошло? Вдруг она вспомнила тот ужас, который испытала, поняв, что в комнате находится кто-то еще. Темная тень в круге лампы на стене, чужое присутствие, сверлящий взгляд... А затем — тот самый отвратительный запах, запах тройного одеколona...

Судя по головной боли и легкой тошноте, ее усыпили хлороформом. Ну конечно же, она не ошиблась насчет чужого присутствия — в комнате был тот, кто пришел за ней.

Но зачем ее перенесли сюда, почему не оставили дома? Что это – своеобразный арест или что-то другое? Зина не понимала. Надев сапоги, она попыталась встать на ноги.

И снова удивилась – ей беспрепятственно это удалось. Тогда она бросилась к низкой двери – естественно, но тут ее постигло разочарование: дверь была крепко заперта, а замочная скважина оказалась такой маленькой, что в нее, как Зина ни старалась, ничего нельзя было разглядеть.

Она подошла к окну. Занавесок и ставней не было. Окно выходило в небольшой палисадник, который заканчивался высоким каменным забором. Палисадник был довольно запущенный – какие-то оборванные кусты, трава... Было ясно, что в этом доме никто постоянно не живет.

Зина попыталась открыть окно, но как ни старалась – бесполезно. Рама была забита наглухо, не открывалась. Стекло, конечно, можно было разбить – но зачем? И так было понятно, что через забор не перелезть. Значит, наружу не выбраться.

Она снова вернулась к кровати и села, пытаясь собраться с мыслями. Что это – город или село? Зина стала внимательно прислушиваться – ничего. Никаких звуков не было. Здесь была абсолютная тишина. Однако она почему-то решила, что это все же город.

Каким-то непонятным ей самой чувством она понимала, что в селе должны быть хоть какие-то звуки: собачий лай, скрип колодезной дуги, кудахтанье кур, крик петуха, в конце концов... Всего этого здесь не было. Значит, похоже на город. В городе в частных домах не держат кур. Да и не в каждом доме есть собака.

Интересно, сколько времени ее сюда везли? Судя по свету, пробивавшемуся через окно, был день. Значит, ее везли на машине, расстояние могло быть и отдаленным. Ее могли вывезти и за пределы города. К сожалению, по тому скудному пейзажу, который открывался в окне, ни улицу, ни местность она не могла определить.

Из этих блуждающих мыслей Зину вырвал стук, отчетливо раздавшийся из-за двери. Она мгновенно насторожилась. Дверь распахнулась. И в комнату вошел тот, кого Зина, в общем-то, и ждала.

Это был «черный человек» – Григорий Бершадов. Он был в форме высокого чина НКВД. Не разбираясь в знаках отличия, Зина не могла понять, какое у него звание, видела только, что форма была офицерской. В одной руке Григорий держал кожаный планшет, из которого торчал наконечник импортной ручки, в другой у него была жестяная кружка, над которой поднимался пар.

– Вас я и ждала, – помимо воли выдохнула Зина.

– Рад, что вы не разочаровались, – Бершадов протянул ей кружку. – Вот, выпейте. Как вы себя чувствуете?

– Это что, яд? – спросила Зина, но кружку взяла, соблазнившись возможностью согреть окоченевшие пальцы.

– Пока нет. Просто чай. Самый обыкновенный, с лимоном и сахаром.

– К чему такая любезность? – нахмурилась Зина.

– Здесь холодно. Не хочу, чтобы вы простудились.

– Здесь – это где?

– Не бойтесь, вы все еще находитесь в Одессе.

– Хотя вы могли вывезти меня куда угодно!

– Хотя мы могли вывезти вас куда угодно, – согласился Бершадов, усаживаясь за стол и кладя планшет перед собой.

Зина глотнула из кружки – чай был горячим, крепким и сладким. По телу сразу разлилось тепло. Помедлив, она выпила чай почти залпом. Даже пальцы, согрелись, стали болеть меньше.

Поставила кружку на стол. Затем, подумав, пересела на другой стул, прямо напротив Бершадова. Теперь это стало похоже на допрос.

– Как вы себя чувствуете? – повторил Бершадов, рассматривая какие-то бумаги в планшете. Лицо его было сосредоточенным и серьезным.

– По сравнению с вашими арестантами – очень даже неплохо! – попыталась улыбнуться Зина.

– Пока вас никто еще не арестовывал, – Бершадов неожиданно тоже улыбнулся. – Хотя вы, похоже, так этого ждали... А как думаете, за что мы могли бы вас арестовать?

– Вам видней! – буркнула Зина, чувствуя, что ступает на очень зыбкую почву.

– А что бы вы предпочли? – Бершадов откровенно издевался над ней. – Подрывную диверсионную работу, когда вы организовали бегство румынского шпиона и помогли ему перейти границу, или мелкое хулиганство, когда в пьяном виде вы принялись швырять камни в окна родственников своего бывшего любовника?

– Я так и знала, что это были вы! – воскликнула Зина и, поймав взгляд Бершадова, продолжила: – Ну это же из-за вас меня выпустили из отделения милиции, как будто ничего не произошло?

– Ну, глупо было бы отрицать, – снова улыбнулся Бершадов, и Зина снова ощутила, что он играет с ней, как кошка с мышью.

– Ну это же вы организовали мой перевод на кафедру в институте? Хотя я и не понимаю зачем.

– Верно. Потом поймете. Но раз уж мы так с вами откровенны, давайте говорить все! – Бершадов помолчал. – Именно я помог вам организовать бегство того самого румынского диверсанта!

– Вы? – задохнулась от возмущения Зина. – А вы-то тут вообще при чем?

– Неужели вы серьезно считаете, что я был не в курсе вашей мышиной возни вокруг границы в Болграде? Кто, по-вашему, спас этого оборотня-недоучку? Неужели вы думаете, что это вы все смогли сделать? Я спас его, я позволил вам это проверить! Просто он был больше не нужен. И я, я разрешил вам его спасти! Если он мне понадобится, я вырою его из-под земли. Но думаю, это будет не скоро. Так что можете не обольщаться – я знаю каждый ваш шаг, абсолютно все, что вы сделали или еще сделаете, – Бершадов насмешливо смотрел на Зину.

– И вы знаете, где сейчас находится Виктор, – задумчиво протянула она.

– Конечно, – усмехнулся он. – Но вам, разумеется, не скажу. А знаете почему? Виктор Барг вам не пара. Он трус.

– Не ваше дело! – вспыхнула Зина.

– Разумеется, не мое, – Бершадов пожал плечами. – Мужчина, который сбежал от женщины вот так, тайком, – трус и ничтожество. И факт есть факт: Виктор Барг оказался трусом. А вот вы – нет.

– Не понимаю, – Зина насторожилась.

– Собственно, для этого я здесь. Как вы уже догадались, все, что происходило с вами, не случайно. И вы находитесь здесь, в этом секретном месте, о котором никто не знает, потому, что я хочу сделать вам одно важное предложение.

– Какое еще предложение? – нахмурилась Зина.

– Сотрудничество. Я хочу предложить вам официальное сотрудничество с моим отделом. Секретную работу в органах НКВД. Сейчас мой отдел проходит реорганизацию. Теперь он будет базироваться в 1 отделе НКВД – официально это считается внешней разведкой. Но на самом деле мы будем заниматься совершенно другими, внутренними делами. Секретными расследованиями. Тем самым, чем вы с таким успехом занимаетесь без меня, – Бершадов улыбнулся. – Ведь это по своей личной инициативе вы влезли в секретный проект «Лугару», к которому вообще не должны были иметь никакого отношения. Да еще и пытались обвести вокруг пальца службу внешней разведки, организовав побег подозреваемого. Теперь я предлагаю вам делать все то же самое, но уже под моим руководством. Работать, так сказать, на благо страны.

Официально вы будете числиться научным сотрудником на кафедре медицинского института. Преподавать время от времени с облегченной нагрузкой. Но кем вы будете на самом деле, буду знать только я. Мне нужны новые сотрудники, которые официально не будут связаны с карательными органами. Я выбрал вас.

Зина молчала, пытаясь осознать страшный смысл его слов. На самом деле в глубине души она уже ждала чего-то подобного, и это предложение не было для нее полной неожиданностью. Слишком уж странным было все, что происходило с ней. Бершадов напоминал ей паука, который цепко держит в паутине свою жертву, у которой нет ни малейшей надежды вырваться. И этой жертвой, застрявшей в паутине, стала она сама, Зина.

Готова ли она была к тому, что предложил ей Бершадов? Ей вдруг показалось, что она стоит на краю черной пропасти, пристально всматриваясь в разверстую у ее ног глухую бездну. На ум моментально пришла знаменитая фраза немецкого философа Ницше, которую когда-то давно она слышала от Андрея, несмотря на то что Ницше был запрещен: «Когда ты всматриваешься в бездну, бездна всматривается в тебя». И вот теперь бездна пристально всматривалась в нее и не отводила своего взгляда.

Все было просто: либо ты нападаешь, либо на тебя нападают. Все было четко разделено на две грани: нужно было быть либо с жертвой, либо с палачом. Если ты не палач, ты жертва. И наоборот. Третьего не существует. И как бы Зина ни пыталась, как бы ни рвалась из своей собственной кожи – третьего не дано.

– Я не хочу убивать людей! – вдруг воскликнула она с такой силой, что это испугало ее саму. – Не хочу доносить, не хочу отправлять людей в тюрьмы! Я не хочу убивать!

– Ну так и не убивайте! Кто вам это предлагает? – Бершадов насмешливо пожал плечами. – У вас даже оружия не будет. Оно вам вообще ни к чему. Я же сказал: меня не интересуют карательные органы! Никаких арестов и убийств. Меня интересуют результаты расследования и научные выводы. Вы снова будете производить вскрытия – чтобы узнать истину. Выводы, кстати, буду делать я сам.

– Так, чтобы отправлять невиновных людей на смерть? Подделывать выводы?

– Оборотень был невиновен? Я что-то подделал? – ехидно спросил Григорий.

– Это был психически больной человек.

– Психически больной убийца. Которого я арестовал. А вы, кстати, ему помогли! Но ведь надо было попытаться его остановить и спасти людей! Так кто больше виновен – я, стоящий на стороне закона, или вы?

– Это вопрос риторический... – запнулась Зина.

– А немецкий диверсант, вошедший к вам в доверие, чтобы найти архивы подземной секты, работающий на фашистов, это тоже вопрос риторический? По-вашему, плохо, что его остановили? Помешали шпионить, причинять зло, сеять вред...

– Нет, но...

– Вот видите! Здесь есть над чем задуматься. Так что все эти ваши сантименты – голословны. В реальности все происходит несколько иначе.

– НКВД – это машина смерти. Я не хочу быть связанной с ней, – упрямо повторила Зина.

– Как говорится, другой нет, – засмеялся Бершадов. – Но вам никто не предлагает участвовать в допросах, выбивать признательные показания, арестовывать. К вам это не будет иметь вообще никакого отношения!

– Чего вы от меня хотите? – В голосе Зины прозвучало отчаяние.

– Я уже сказал. Меня интересуют расследования. Выводы. Предотвращение диверсий. Мы будем заниматься такими делами, которые нельзя подвести к общей схеме. Тем, что очень отличается от всего известного и общепринятого. Как дело с оборотнем, к примеру. Где так тесно сплелись мистика, древние легенды и психическая болезнь. Наш отдел будет заниматься странными делами.

– Отдел? По принципу уничтоженного 9 отдела? – сразу сообразила Зина.

– Я рад, что в вас не ошибся! – усмехнулся Бершадов. – Так что вы мне ответите, после всех этих моих слов? Или вам нужно подумать?

– Не нужно думать. Я уже готова ответить.

– И что же?

– Нет!

– Нет? – В голосе Бершадова зазвучала нескрываемая ирония.

– Нет, – твердо повторила Крестовская.

– Отлично! – вдруг рассмеялся Бершадов. – Я этого ждал. Честно говорю! Вы меня не разочаровали. Отлично!

– Что здесь отличного? – Зина вдруг почувствовала тревогу, которая очень ярко, изо всех сил запламенела в мозгу, даря ощущение такого первобытного страха, по сравнению с которым все остальные страдания могли показаться простым насморком.

Вместо ответа Бершадов снова принялся рыться в планшете, перебирая бумаги, и вскоре достал нужный документ.

– Вот, это вам, – он положил перед Зиной несколько листов со знакомой официальной печатью. – Читайте. Надеюсь, вы узнаете почерк Цапко? Написано им собственноручно! И, прошу заметить, безо всякого принуждения.

– Что это такое? – Все внутри Зины замерло.

– Вы еще спрашиваете? – усмехнулся Бершадов. – Протокол вскрытия!

– Чьего... вскрытия?

– Вашего.

– Вы смеетесь? – Голос ее дрогнул.

– Читайте.

Повинуясь металлу, зазвучавшему в его голосе, Зина взяла бумаги дрожащими пальцами и принялась читать. Страшные буквы плыли перед ее глазами.

«Пол женский... рост 170 см... вес 60 кг... объем грудной клетки... параметры... асфиксия... ярко выраженная клеточная недостаточность в области... печень увеличена в объеме... дисфункция шейных позвонков... смещение в сторону на расстоянии... ярко выраженная странгуляционная борозда... размер странгуляционной борозды...»

– Что это такое? – Листки, зашуршав, с шумом выпали из ее пальцев.

– Как – что? Вы повеситесь!

– Я... повешусь?

– Разумеется. Прямо в этой комнате. Правда, здесь ли вас найдут, или работе, или в собственной квартире, я пока не решил. Для этого тоже нужно вдохновение.

– Вы меня убьете? – хрипло спросила Зина. – За то, что я не буду работать на вас?

– А вы на что рассчитывали? – Бершадов не улыбался. – На путевку в Ялту и талоны с усиленным питанием? Вы действительно считали, что выйдете из этой комнаты после всего того, что я вам сказал? Не падайте в моих глазах! Вы этого не достойны!

– Значит, убьете... – мертво произнесла Зина.

– Ничего подобного! – воскликнул Бершадов. – Вы сами убьете себя. Вот же протокол вскрытия, все подробно написано. Вы же знаете, какие мастера у нас работают. Кстати, все окружающие будут твердо уверены, что вы покончили с собой. А сгубила вас любовь к коньяку. Вы – алкоголичка. В ящике стола на работе у вас найдут пустые бутылки из-под коньяка. Много. Вы покончили с собой в приступе белой горячки. Вот, видите, здесь написано, что печень у вас увеличена – от алкоголя. Так что в памяти всех вы останетесь алкоголичкой-самоубийцей. Порочить репутацию мы очень хорошо умеем, вы это тоже знаете. Цапко, кстати, подтвердит, что из морга вас выгнали за пьянство. Спились, вы, кстати, тоже в морге. Там все спиваются. Это как дважды два.

– Но это же неправда... – глаза Зины наполнились слезами.

– Ну конечно неправда, но ведь это ваш выбор, – Бершадов откровенно издевался. – Вы можете позорно умереть повесившейся алкоголичкой. А можете еще пожить – между прочим, в свое удовольствие. И я сам, лично, подарю вам бутылку отличного французского коньяка!

Выбора не было. Крестовская поняла это с самого начала. Все внутри нее противилось такой отвратительной смерти, такому позору. Она подняла голову, встретила взглядом с Бершадовым.

– Я согласна.

– Отлично! – сухо ответил он. – Отлично. Я знал, что вы передумаете. Все-таки я в вас не сомневался. Теперь дело за малым. Вот бумага. Пишите своим почерком. Я, Зинаида Крестовская, такого-то года рождения... Вот ваши паспортные данные, специально для вас записал, пишите их тоже... Согласна на сотрудничество со следственными органами ОГПУ – НКВД. Неразглашение информации гарантирую. Предупреждена об ответственности за нарушение государственной тайны. Обязуюсь выполнять все условия сотрудничества. Так... Теперь фамилию – полную. Теперь подпись. И сегодняшнее число поставьте – 9 февраля 1938 года.

Сложив расписку, Бершадов сунул ее в планшет. Туда же отправился и протокол.

– Протокол вскрытия, я, кстати, сохраняю, – пояснил он, – для гарантии. На всякий случай. Хотя я твердо уверен, что теперь вы не передумаете. Я уже хорошо вас знаю.

Он поднялся из-за стола.

– Сейчас вас отвезут домой. На работу завтра можете не ходить. Отдохните, поспите. Сегодня и завтра официально вы находитесь в больнице. Ваши частые отсутствия всегда будут убедительно объяснены. Скоро вы получите свое первое задание. У вас, кстати, будет напарник. Надеюсь, вы сработаетесь, хотя он немного смешной... Мечтатель, романтик. Вы приняли правильное решение. Вам даже понравится, – усмехнулся он.

– Где же все-таки я нахожусь? – не выдержала Зина.

– Дом на Слободке. Видите, все в черте города. Это одна из многих наших агентурных квартир.

Глава 7

Снежно-белая лампа освещала стол в прозекторской так ярко, что можно было разглядеть мельчайшую трещину на металлической, блестящей поверхности. Знакомая обстановка морга теперь действовала угнетающе. Зина накинула простыню на труп, потушила лишнюю лампу. Отошла от стола. Сняла перчатки. Жесткая, сильная струя горячей воды ударила в жестяные стенки раковины. Зина подставила руки под воду, почти не ощущая ее температуры. И держала так до тех пор, пока у нее не помертвели кончики пальцев.

К своему удивлению, она справилась достаточно быстро, хотя делала все очень тщательно – так, как никогда не делала за время всей своей работы в морге. Вскрытия больше не доставляли ей интереса. Хотя это, последнее, конечно, было особенным.

Ей велели ничего не записывать. Поэтому она лишь аккуратно сложила в холодильник баночки с образцами тканей, которые собиралась отдать завтра Тарасу для анализа. Затем, выключив свет, вышла, оставив накрытый простыней труп на столе. Это тоже было велено сделать.

Зина не спешила сразу выйти во двор, сначала она зашла в бывший кабинет Каца и потянулась к его тайнику. Но ее ждало глубокое разочарование: кто-то обнаружил тайник, и он был абсолютно пуст. Кроме того, со шкафчика в стене сняли замок, и теперь все выглядело достаточно откровенно.

Бутылок с коньяком не было, как не было и старых документов, которые были отодвинуты в глубь шкафа. Как жаль, что она так и не удосужилась их рассмотреть!

Когда Крестовская вышла во двор, было уже темно. Закурив, она направилась к скамейке, стоявшей под тусклой лампочкой. Сжавшись, на этой скамейке сидел человек. Под мышку у него был засунут какой-то популярный журнал. Лицо его было бледным, застывшим, а глаза как будто смотрели в разные стороны. Это жалкое ощущение заброшенности еще больше усиливали его длинные светлые волосы, в беспорядке спадавшие на плечи.

– Вы уже закончили? – При виде Зины человек вскочил, и она вдруг почувствовала некое раздражение. А потому рывкнула зло: – Сядь! – и сама опустилась рядом с ним на скамью. Человек едва заметно поморщился: он почувствовал исходящий от нее запах – формальдегида и других медикаментов, используемых при вскрытии. Зина это поняла. Ну и пусть! Ей было на это плевать.

- Как звать-то тебя? – пренебрежительно спросила она.
- Мишка, э-э, в смысле Михаил, – ответил человек.
- Ну Михаил так Михаил, – хмыкнула Зина.

– Вы нашли что-то? – чувствовалось, что он боится ее. Но Бершадова он боялся еще больше. Зине он напоминал пойманную в капкан мышь с перебитым хребтом, которая, несмотря ни на что, пытается шевелиться.

– Да, нашла, – Зина посмотрела на него искоса, – этот мужчина не покончил с собой. Повесили уже мертвого, труп.

– Вот как! – пискнул человек, как-то враз сбросив с себя растерянность и заменив ее на удивление.

– Ну, собственно, все так и думали, – отрезала Зинаида, не желая вдаваться в подробности.

Все, что ей хотелось, только домой, спать. Она отвыкла от таких вскрытий по ночам. Но теперь все переменялось. Теперь требовалось ехать и обдумывать ситуацию, да еще, похоже, тащить за собой этого противного Михаила – Мишку. Зина со злостью отбросила папиросу и скомандовала ехать. Машина уже их ждала. В темноте еще более темная глыба с заглушенным мотором и потушенными фарами производила зловещее впечатление.

Зина села на переднее сиденье – рядом с шофером, Михаил – на заднее. Без слов шофер завел двигатель, машина тронулась.

Уставившись в темное стекло, Зина вспоминала, как все это началось.

Через три дня после разговора с Бершадовым в ее комнате раздался звонок. Было ранее утро, Зина как раз собиралась в институт. В это утро занятий у нее не было, но она собиралась посидеть в библиотеке, восстановить в памяти старый материал.

На пороге стоял молодой мужчина в штатском костюме. Без слов протянул ей записку. Там было следующее: «Немедленно езжайте с нашим сотрудником. Г. Б.» Зина узнала почерк – увидела в документах в том странном доме. Это был почерк Бершадова.

Без лишних слов она вышла и села в машину, которая уже стояла у подъезда. Зина прекрасно понимала, что в институте до обеда она точно не появится, а потому не задавала лишних вопросов.

Проехали вокзал, затем тюрьму на Люстдорфской дороге, повернули к морю, пропетляли между переулками – узкими, похожими один на другой, и остановились у одноэтажного частного дома, скрытого за глухим каменным забором.

Калитка была открыта. Ее спутник остался в машине, пробормотав напоследок, что ответит ее домой.

В небольшой комнате, обставленной с той же скупостью, что и комната в том страшном доме на Слободке, за столом сидел Бершадов. Он подвинул Зине стул.

– Я так понимаю, первое задание? – нервно спросила она, настроенная по-боевому.

– Верно, – усмехнувшись, Бершадов вскинул на нее глаза. – Вам придется провести вскрытие одного трупа. Определить причину его смерти и рассказать обо всем, что вы раскопаете в этой истории.

– Подождите... – Зина нахмурилась. – Но я больше не работаю в морге. Где я буду производить вскрытие?

– Я же вам говорил: вы только официально сменили место работы, – ответил ей Бершадов. – Вскрытия в наших интересах вы будете производить, как и прежде. Сегодня днем тело доставят в морг, и этой ночью вы сможете приступить к работе. Цапко в курсе. Он полностью под нашим контролем и не будет вам мешать.

– Ну да... понимаю, – позволила себе ехидно улыбнуться Зина, – ведь его сын арестован. Вы держите его у себя и поэтому Цапко сделает все, что угодно.

Бершадов холодно улыбнулся, но ничего не ответил. А Зина почувствовала, как вдоль спины течет жутко неприятный холодок.

– Вы сказали, доставят в морг. Значит, труп не в Одессе? – вдруг спохватилась она, вспомнив слова Бершадова.

– Нет. Есть такой поселок возле моря. Под Одессой. На побережье Каролино-Бугаза. Называется Бугаз. Так вот, труп сейчас находится в местной больнице. Он умер именно в этом поселке.

– Умер? И вам надо узнать от чего?

– Определить причину смерти – ваша задача.

– Можно узнать имя этого человека?

– Можно, – кивнул Бершадов. – Его зовут Николай Зинчук. Ему 43 года. Рыбак. Жил в этом поселке Бугаз, с детства ходил в море. У него было несколько лодок и рыбацьи снасти – на паях с другом. Повесился в заброшенном доме этого поселка.

– Повесился? – переспросила Зина. – Рыбак? Может, допился до потери пульса?

– Нет. Пил он немного.

– Но почему вас интересует смерть этого человека, простого рыбака? – никак не могла понять она.

– Хорошо. Я вам скажу. Этот человек был арестован незадолго до своей смерти. Но арестован по ошибке, по глупости. Поэтому его быстро выпустили. Ну а после этого он умер.

– За что его арестовали? – Зина хмурилась, все услышанное ей нравилось все меньше и меньше. – По какому обвинению?

– Тупые власти Затоки! – презрительно фыркнул Бершадов. – Арестовали потому, что в этом поселке Бугаз тупые власти! Незадолго до своей смерти этот рыбак на берегу моря, на песчаном пляже, обнаружил трех мертвых дельфинов, которые умерли непонятной смертью.

– Разве за такое арестовывают? – удивилась Зина.

– Тупые, тупые власти Затоки обвинили рыбаков в браконьерстве. Мол, сами убили дельфинов и прибежали рассказать, чтобы отвести от себя подозрения. Но почти сразу этого рыбака выпустили. Дельфины не были убиты, на их телах не было ран от гарпуна. Да и все это браконьерство было шито белыми нитками. Ну а после этого рыбак исчез. А через три дня его нашли повешенным в заброшенном доме. – Бершадов помолчал. – Итак. Ваша задача – узнать причину смерти рыбака, а также причину, по которой его убили.

– Ничего ж себе задачка! – воскликнула Зина.

– Не волнуйтесь. Вам будут помогать. У вас будет напарник, который прекрасно знает все легенды о море.

– Тоже рыбак? – не удержалась Зина.

– Нет, – серьезно ответил Бершадов. – Бывший учитель истории, а ныне – актер самодельности.

– Что за... – грубое слово помимо ее воли вырвалось у Зины, но она быстро прикусила язык, – ...какой еще актер? Вы в своем уме?!

– Талантливый, – улыбнулся Бершадов, – вы сами увидите. А как он Гамлета играет!

– Кого?.. – Зина совсем пала духом.

– Его, конечно, на вскрытие брать не нужно...

– Гамлета? – не могла успокоиться она.

– Да. Он вас во дворе подождет. Зачем вам в морге датский принц? Но поделиться впечатлениями с ним вы сможете.

– Какая радость! И как я его найду?

– Вы его увидите. Сегодня же.

Бершадов встал, давая понять, что аудиенция закончена.

– После вскрытия, ночью, вас доставят на одну из квартир, чтобы вы могли спокойно посоветоваться и продумать план действий. А также то, что о вскрытии вы расскажете мне, – с этими словами Бершадов вышел. Зина последовала за ним. И ее выпустили.

Было уже около пяти часов вечера, когда она вышла из института. Темнело. Зина провела две лабораторные работы подряд и страшно устала, вымоталась до предела. Аппаратура все время ломалась, реактивы испортились, а студенты вообще ничего не понимали, как Зина ни пыталась им объяснить. Так что настроение у нее было хуже некуда. Вдобавок ко всему ее мучили мысли о предстоящем вскрытии. Крестовской они очень не нравились, и она буквально страдала, не находя себе места.

И вот в самый разгар этих страданий, когда Зина завернула за угол, на нее налетело какое-то существо. Да еще с такой силой, что буквально выбило из ее рук тяжелый портфель.

Зина выронила портфель, едва удержавшись на ногах. Портфель раскрылся, конспекты с лекциями разлетелись по асфальту. Чертыхаясь, Зина принялась их собирать. Существо, извиняясь неприятным, визгливым голосом, ползало вместе с нею по асфальту, подбирая листки.

Только немного переведя дух, Зина обратила на него внимание. Это был молодой человек, не старше 25 лет, очень высокий, худой блондин с длинными, неопрятными волосами. Зина еще не видела таких длинных волос у мужчины! Они спускались ниже плеч, придавая всей его фигуре неряшливый вид.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.